

Светлана Казакова

Невеста-гувернантка

Глава 1

Примерять на себя новое имя — как новое платье. Вот только к нарядам я привыкала быстро, а тут то и дело боялась забыться. Например, не откликнуться, когда ко мне обращаются.

— Минна Лоренц! Минна! Госпожа Лоренц!

— Да? — запоздало откликнулась я, оторвавшись от изучения массивного книжного шкафа. Кто-то отодвинул часть стоящих впереди толстых томов со скучными, полными нравоучений историями, и открылись книги, которые прежде оставались спрятанными за ними. Весьма и весьма любопытные книги...

Эх, была бы я здесь одна!

— Плохо, — поморщился мужчина средних лет, облаченный в строгий чёрный костюм. Хм, любопытно, неужели это он тайком почитывал все эти романтические истории? Или его благообразная жёнушка? — Так вы быстро проколется. Надо привыкнуть к этому имени так, точно оно ваше собственное, только тогда всё пойдёт по плану.

— Эрмина! — присоединилась к нему матушка. — Господин Ветцель прав. Будь серьёзной, дорогая, и запомни уже, что отныне тебя будут называть Минной Лоренц!

Я вздохнула и покаянно опустила глаза. Расстраивать матушку ещё сильнее не хотелось. Она и так волновалась из-за нашей скорой разлуки, но признавала, что по-другому никак.

— Можешь прогуляться, а я пока поговорю с господином Ветцелем, — милостиво отпустила меня матушка.

Получив желанную передышку, я выскользнула в сад прямо через террасу. Сад возле особняка Ветцелей хорош, этого нельзя не признать. Особенно привлекали внимание розы всех возможных оттенков. Красные, белые, жёлтые... Разве что чёрных не хватало, но госпожа Ветцель была суеверной особой и едва ли посадила бы в своём прекрасном саду розы траурного цвета.

Отыскав в глубине сада оплетённую диким виноградом беседку, я села на резную лавочку и задумалась. Перед матушкой и её старинным другом я храбрилась, но наедине с собой могла признать — мне тоже тревожно. Я никогда в жизни не покидала родного дома и тем более не бывала в других странах. До недавних пор моё существование было вполне себе однообразным и размеренным. Ранний подъём, уроки, променад, снова уроки, музицирование, чтение и отход ко сну. Время от времени этот распорядок дня нарушался походами по магазинам или приёмом гостей. Иногда нас самих приглашали в гости, что обычно являлось поводом выгулять новое платье.

Вот и всё.

То, что ждало меня в ближайшем будущем, казалось настоящим приключением. Нет, мне не предстояло, надев матросский костюмчик, взойти на борт корабля в качестве юнги или отправиться в долгий конный поход в поисках спрятанных где-то в прериях сокровищ, как это обычно бывает в романах. Всё куда-то прозаичнее. Скромная одежда, строгая причёска и... работа гувернанткой. Вскоре на моём попечении окажутся две девочки из соседней страны, а сама я из Эрмины Моргенштерн превращусь в Минну Лоренц.

Однако это всё равно приключение. Впрочем, особой опасности для меня в чужих краях не предполагается. Опаснее мне будет оставаться здесь, на родине.

Но это секрет.

Я вздохнула, и одна из виноградных веток потянулась ко мне, уронив на ладонь гроздь спелого винограда. Благодарно улыбнувшись, я надкусила сочную ягоду. Терпкий сок брызнул на губы.

Растения всегда чутко реагировали на моё душевное состояние и пытались поддержать, когда я грустила. Всё дело в моей природной магии. Ей не нужно учиться, как академической, она интуитивная, дарованная силами самой природы, но, в отличие от тех, кто оканчивал академии, объяснить, как работает моя магия, я не могу.

Она просто есть.

Моё уединение в беседке продлилось недолго. Господин Ветцель отправил за мной горничную, и та препроводила меня обратно в малую гостиную особняка. Там на столе уже лежала небольшая аккуратная пачка писем.

— Взгляните сюда, Эрмина, — указал мне на них мужчина. — Это ваши рекомендательные письма. Всё они совершенно настоящие и написаны разными людьми. Однако вы должны прочитать их и

выучить свою легенду наизусть. Чтобы сказанное вами в беседах с нанимателями не противоречило этим письмам.

Я зевнула. До чего же уныло звучат его речи! Прямо как в этих его книгах, которые стоят в передних рядах.

— Эрмина! — шикнула на меня матушка.

— Да, господин Ветцель, — кивнула я. — Всё выучу, честное слово. У меня хорошая память.

— Полагаюсь на это, — явно не слишком-то поверив мне, отозвался он. — Те, в чьём доме вы будете жить и работать в качестве Минны Лоренц, очень хорошие, достойные люди. Постарайтесь их не разочаровать.

— Гувернантка... — сокрушённо вздохнула родительница, прижимая к лицу надушенный платочек. Из уголка её глаза выкатилась слезинка. — А ведь могла бы составить хорошую партию...

— Сейчас вы должны думать не об этом, — заметил господин Ветцель. — Лучше быть незамужней, но живой гувернанткой, чем... — Он многозначительно помолчал и откашлялся. — Уверен, ваша дочь это осознаёт, как и всё остальное. А уж в случае, если...

— Если! — фыркнула матушка. Обмахнулась платочком, как веером, и полезла в ридикюль за нюхательной солью. — Настанет ли оно, это ваше «если»?

— На всё воля Предвечных, — возвёл глаза к потолку собеседник.

Пока они были заняты разговором, я развернула ближайшее письмо и пробежала глазами по строчкам. По словам некоей неизвестной мне госпожи Фукс, гувернантка Минна Лоренц отличалась умом и сообразительностью, прилежанием и целомудрием, бережливостью и добрым нравом. Вот ведь как, она взяла и написала первое, что в голову пришло, а мне всему этому соответствовать!

Глава 2

Вечером, сидя у окна, я читала и перечитывала рекомендательные письма, тщательно заучивая свою легенду. Выглядела она, мягко говоря, не очень интересно. Вымышленная Минна Лоренц — круглая сирота, воспитанная дальними родственниками, которые дали ей хорошее образование, самое подходящее для работы гувернанткой. Происхождение — из обедневшего, но аристократического рода. Приданого нет. Работала в нескольких домах, готовя дочерей нанимателей к поступлению в пансион. Везде заслужила хорошие рекомендации.

Владение природной магией указывалось скорее как недостаток, чем как достоинство. Но я к этому уже привыкла. Обучать магии я всё равно не имею права, поскольку она не академическая, а интуитивная, а, по мнению большинства, на что та ещё годна? Цветы выращивать? Огороды удобрять?

Пока я готовилась, горничные собирали мои вещи. Выбирали они из всего гардероба исключительно скромные платья унылых расцветок. Никаких, упаси Предвечные, вызывающе-глубоких декольте или шаловливо-укороченных подолов. Гувернантка должна быть образцом добродетели. Она не имеет права такое носить, даже если подобные наряды уже с полгода как не выходят из моды в отличие от тех, которые прямо сейчас укладывали в мой объёмистый саквояж.

Нашлось там место и книгам, но исключительно учебной литературе, ничего развлекательного. Это тоже вгоняло в уныние. Читать я любила прямо противоположное.

Эх, добраться бы до тех романов в гостиной особняка господина Ветцеля...

Матушка строго-настрого следила за тем, чтобы подобная литература не попадала мне в руки. Она считала, что благородные барышни не должны знать ничего о любви вплоть до брака. Точно так же воспитывали её саму, и она ни в какую не желала отходить от этих традиций, хотя времена уже поменялись. Я слышала, одна девица в нашем городе разгуливала по улице в штанах наподобие мужских, только пошире. Матушка бы в обморок грохнулась, если бы мне вздумалось одеться подобным образом!

Так вот, о книгах. Иногда мне всё же удавалось краешком глаза заглянуть в такого рода истории. Некоторые из моих приятельниц, приходя в гости, тайком приносили их с собой, и, пока наши родительницы чинно распивали чай, мы, уединившись, читали и обсуждали, поминутно оглядываясь. А одну, самую интересную, про герцогиню и пирата, который её похитил, мне даже удалось выпросить на несколько дней и прочитать полностью. Правда, меня за этим занятием поймала горничная и едва не заложила матушке, но я подкупила пронырливую особу подарком в виде гребня для волос и нескольких не слишком ценных побрякушек.

Эх, вот у герцогини были приключения! И даже поцелуи... Мне это, увы, не светит. В ближайшее время уж точно. Матушка, конечно, время от времени заговаривала о замужестве, но всё это выглядело так скучно: сперва знакомство, непременно в каком-нибудь людном месте и в присутствии родных, затем встречи — тоже, разумеется, ни в коем случае не наедине! Прогулка вдвоём позволялась лишь после того, как молодой человек попросит руки. А поцелуй, наверное, только на свадебной церемонии, да ещё и при свидетелях!

Нет уж, меня такое развитие событий пока нисколечко не прельщало.

А теперь и вовсе. Я вспомнила, как матушка и господин Ветцель обменивались взглядами и недомолвками. Мне всего не говорили, но кое-что я понимала и так. Оставаться в родном доме мне действительно нельзя. Нужно прятаться — в другой стране и под чужим именем.

Возможно, какая-нибудь Минна Лоренц в самом деле существовала, а то и не одна. Это не самое редкое имя, да и фамилия тоже весьма распространённая. В нашей стране вообще не так много фамилий, так что каждый за свою жизнь встречает нескольких однофамильцев, а то и не слишком близких родичей — наследие тех далёких времён, когда люди ещё жили кланами.

— Эрмина, милая! — заглянула ко мне матушка. — Ну как, всё выучила? Господин Ветцель утверждает, что у этих людей не должно возникнуть ни малейшего повода для подозрений, но ты же понимаешь... Надо быть осторожной. Хорошо ещё, что у наших стран не слишком тесные связи, а ты в совершенстве знаешь их язык, — добавила она с гордостью.

Я улыбнулась. Да, языки мне действительно давались легко. Обычно слова незнакомой речи звучали для меня дивной музыкой, которая так и манила открыть все её тайны, затем я как-то слово за словом начинала понимать, а после и говорить на чужом наречии, хотя небольшой акцент, конечно, оставался.

То же касалось и официального языка Элхорна, куда мне со дня на день предстояло отправиться.

Господин Ветцель немного рассказал мне о людях, у которых я буду работать. Семейство благородных кровей, состоящее из четырёх человек — главы семьи, его супруги и двух дочерей, одной из которых двенадцать лет, а другой восемь. Аланна и Кэйти — мои будущие воспитанницы.

По правде говоря, меня эта перспектива немного пугала. Я единственная дочь, все мои приятельницы приблизительно одного со мной возраста, так что общаться с младшими девочками раньше не приходилось. Но господин Ветцель посчитал, что стать гувернанткой — самое лучшее прикрытие.

Во-первых, потому что это не вызывает подозрений. В Элхорне считается престижным нанимать для воспитания детей иностранок. Во-вторых, моё образование действительно позволяет выполнять такую работу. Ну и в-третьих, гувернантка — почти прислуга, хотя и на уровень выше горничных и камеристок. А кто будет обращать пристальное внимание на прислугу?

Глава 3

Вечером накануне моего отъезда в Элхорн нам нанёс визит господин Ветцель. Матушка предложила ему остаться на ужин. Я сидела за столом на своём привычном месте и всё ещё никак не могла поверить в то, что это мой последний ужин в родном доме. В ближайшее время уж точно. Пока ещё оставалось под вопросом, сколько времени мне придётся пробыть в другой стране. Господин Ветцель говорил, что столичные дознаватели уже занимаются решением ситуации, но вопрос весьма сложен и щекотлив, и далеко не каждому можно доверять. Увы, он всё так же не рассказывал мне всей правды, очевидно, по-прежнему считая меня неразумным ребёнком или попросту не желая пугать.

Матушка всё ещё вздыхала и вытирала слёзы, но я не могла с полной уверенностью сказать, что тревожило её больше — скорая разлука со мной или то, что мне предстоит изображать из себя девушку гораздо более низкого положения, чем моё собственное. Однако легенда с гувернанткой действительно была наилучшим вариантом, поскольку живущая в одиночестве благородная барышня-иностранка, несомненно, приковывала бы к себе куда больше внимания, чем молодая особа, которая просто приехала устраиваться на работу с пачкой рекомендательных писем. А притвориться вдовой родительница и сама бы мне не позволила из суеверных соображений.

Потеряв супруга, она считала, что ничего нет для женщины хуже вдовства.

Когда матушка отправилась отдавать распоряжения по поводу десерта, наш гость подсел чуть ближе ко мне и ласково, по-отечески коснулся моей руки. Я подняла на него взгляд. Господин Ветцель был старинным другом нашей семьи, он знал моего отца ещё в молодости, и сейчас, глядя на избороздившие его строгое лицо морщины, я с грустью понимала, что время идёт неумолимо, и пропасть между мной сегодняшней и той беспечной девочкой-подростком, которой я была ещё совсем недавно, становится всё шире.

— Вы ведь позаботитесь о матушке? — спросила я. — Она остаётся совсем одна. Прислуга не в счёт.

— Само собой, — кивнул мужчина.

— Ей ведь не навредят? — забеспокоилась я.

— Нет, что вы! К её дому будет приставлена охрана. Не волнуйтесь.

— Полагаюсь на вас, господин Ветцель.

— Вы по-своему разумная девушка, Эрмина, хотя и мало знаете жизнь. Ваш отец, уверен, гордился бы такой дочерью. И вот что я вам скажу — вам на какое-то время придётся забыть о том, как вас воспитывали. Потому что просто заучить легенду недостаточно, нужно вести себя так, как вела бы настоящая гувернантка. С достоинством, но смиренно, осознавая своё место. Я рад, что вы не из тех пустоголовых барышень, которых интересуют только наряды, и вы усердно учились, однако вам нужно будет тщательно следить, что и как вы говорите. Там, в Элхорне, вы должны постоянно помнить, что Минна Лоренц — совсем не ровня вашим нанимателям и их гостям.

— Но судя по этой вашей... по моей легенде, Минна — тоже аристократка, — заметила я.

— Конечно, это так, но её род давно обеднел и заглох. Она осталась сиротой, которую из милости воспитывали дальние родственники. А ещё госпожа Лоренц бесприданница и не может рассчитывать на удачное замужество.

С моих губ сорвался вздох. Как же всё сложно! До сей поры я и не понимала, насколько простой и беззаботной была моя жизнь прежде. А ведь я тоже наполовину сирота. Мой отец скончался несколько лет назад, и с тех пор матушка всегда носила исключительно чёрное и лиловое, хотя по истечению времени могла бы уже снять траур.

— А теперь небольшой подарок вам, — вдруг как-то совсем непривычно подмигнул мне собеседник и положил на край стола передо мной книгу. Одну из тех, на которые я с интересом поглядывала в его доме. — И не смотрите на меня с таким удивлением — я тоже когда-то был молодым.

— Господин Ветцель! — воскликнула я. Тут же сграбастала неожиданную добычу и поспешила спрятать её под складками шали, которую накинула, когда вечером немного похолодало. — Спасибо вам! Я... буду такой, как вы сказали. Очень постараюсь.

Открыть книгу я смогла только перед сном, когда оказалась наедине с собой в спальне. Что меня удивило — она оказалась Элхорнской. Надо же, я-то всегда думала, что тамошние люди сплошь чопорные и помешанные на приличиях, а гляди ж ты...

Я и сама не заметила, как зачиталась. Поначалу персонажи — аристократы, само собой — играли в

шахматы, обмениваясь при этом остроумными репликами. Затем наступила зима, и они гуляли по городу под снегопадом. Очень романтично, я даже позавидовала, хоть и не люблю холод. После они поссорились и помирились, снова встретившись на маскараде. Их словно сводила сама судьба! Но алчный дальний родственник девушки захотел выдать её замуж за богатого старика, и тут уж герою пришлось действовать — он успел вовремя и похитил свою возлюбленную, выкрыв её прямо из-под венца!

Ах, если бы и мне когда-нибудь встретился мужчина, способный на столь смелые и отчаянные поступки... Если бы я уже нашла его, если бы вышла за него замуж, сейчас мне не пришлось бы покидать родной дом и уезжать из страны под личиной гувернантки. Он защитил бы меня, непременно защитил бы!

Но увы, пока мне надеяться не на кого, а, следовательно, и мечтать об этом — пустое. Нужно полагаться только на себя. Так оно вернее будет.

Уж себя-то я не подведу.

Глава 4

Наутро я торопливо завтракала в столовой. Аппетита не было, и каждая ложка молочной овсяной каши проглатывалась с трудом, хотя обычно я её любила. Даже горячий утренний кофе по особому рецепту нашей поварахи, с капелькой гречишного мёда и щепоткой корицы, не вызывал прежнего удовольствия — только тоску от того, что теперь я нескоро его попробую.

Мы уже встали из-за стола, когда появился посыльный от господина Ветцеля — он должен был сопровождать меня до Элхорна. Мужчина передал матушке письмо, она развернула, прочитала, и её лицо потемнело. Взглянула на меня с тревогой, и моё сердце тут же забилося испуганной птахой.

— Что случилось? — спросила я требовательно. — Ну же, говори! Долго вы будете всё от меня скрывать?

Нехорошо разговаривать в подобном тоне с родителями, но я слишком устала довольствоваться обрывками информации. Мне хотелось знать всю правду. Пусть даже горькую и опасную.

— Твой кузен Данториус, — вымолвила побелевшими губами матушка. — Добрались и до него. Якобы несчастный случай на охоте, — добавила она, выделив слово «якобы».

Кузена Данториуса было жаль, хотя я его почти не знала. Мы жили в разных городах и за всю жизнь встречались всего, наверное, раза два или три. Ему не посчастливилось стать обладателем так называемого фамильного имени, древнего и, на мой взгляд, просто ужасно неблагозвучного.

Но его смерть означала то, что и ко мне опасность подкралась едва ли не вплотную.

— Ты хочешь сказать, что я... — У меня никак не получалось это произнести, губы дрожали. — Я... следующая?

— Ни в коем случае! Даже думать о таком не смей! — воскликнула она. Я уставилась на неё с изумлением, не узнавая мою истово соблюдающую приличия всегда сдержанную родительницу в этой взволнованной женщине, которая подошла и порывисто обняла меня, ничуть не стесняясь присутствия посыльного. — Тебя никто не тронет! Уезжай в Элхорн, позаботься о себе, и да будут Предвечные на твоей стороне!

Матушка вытерла заплаканные глаза платочком и протянула его мне — как будто знала, что я оставила свой в комнате. Я всхлипнула. Совсем не просто быть сильной, когда жизнь вот так переворачивается с ног на голову.

Пока мы прощались, мои вещи уже спустили с первого этажа и унесли в карету, на которой мне предстояло отбыть из городка, где прошли все двадцать два года моей жизни. Выходя из него, я обернулась, глядя на наш старинный каменный дом, в котором мне был близок и дорог каждый уголок. Как я любила читать, сидя у окна в своей комнате, откуда открывается такой замечательный вид на сад и озеро! Теперь, без меня, она опустеет. Только горничная будет время от времени заглядывать, чтобы смахнуть пыль, вот и всё.

Я стиснула зубы, чтобы вновь не заплакать, и села в карету.

Поначалу карета ехала по ровной городской дороге, затем свернула на просёлочную — довольно-таки тряскую, а уже после вырулила на широкий тракт и покатила ровно. Я даже задремала — сказалося то, что ночью долго не могла заснуть от мыслей и переживаний. Моя прежде вполне спокойная и лишённая тревог жизнь впервые сделала настолько крутой поворот. Я всегда жила под опекой родителей, а теперь мне предстояло стать самостоятельной. Там, в Элхорне, рядом со мной не будет матушки, к которой я бы могла пойти за советом, не будет приятельниц и даже господина Ветцеля, моё отношение к которому после его неожиданного подарка успело несколько измениться.

Когда карета достигла того места, где располагался пост приграничной охраны, я занервничала ещё сильнее. Да, наш городок находится практически на границе с Элхорном, так что до другой страны его жителям ехать ближе, чем до столицы собственной, однако я никогда прежде не выезжала туда и беспокоилась, примут ли мои фальшивые документы за чистую монету. Но у стражников даже не возникло никаких дополнительных вопросов — они изучили бумаги и вернули их мне. Господин Ветцель отправил за мной максимально неприметную карету — такую могла бы нанять и не слишком богатая семья. К примеру, вымышленные родственники Минны Лоренц, сироты, бесприданницы и будущей гувернантки.

Когда пост охраны остался позади, я с облегчением выдохнула и, отодвинув занавеску на окне, принялась изучать открывающиеся виды. Осень уже вступала в свои права, исподволь, но неумолимо. В садах и огородах созревали плоды, желтели и облетали под порывами ветра листья. Ещё немного, и начнёт холодать, а затем и время дождей подойдёт. Но пока днём ещё тепло, а небо

такое глубокое и синее, какое бывает только ранней осенью.

На первый взгляд, Элхорнские деревушки, мимо которых мы проезжали, мало отличались от тех, что остались по ту сторону границы. Деревянные домики, некоторые красивые и справные, видно, что принадлежат зажиточным сельчанам, другие маленькие и покосившиеся. Почти все обнесены невысокими заборчиками. Так же лаяли собаки всех мастей, так же носились чумазные ребятишки, только перекрикивались между собой на другом языке. Взрослые были одеты бедно и незамысловато — женщины в домотканые платья, мужчины в заправленные в сапоги штаны и небрежно подпоясанные рубахи.

Показалось, будто я никуда и не уезжала. Элхорнский звучал для меня почти как родной. Не зря я его учила, как знала, что однажды он мне пригодится.

А вот город, в который мы въехали спустя несколько часов, от родного городка всё-таки отличался.

Глава 5

Дома в этом городе были выше, а улицы шире. Там, где я родилась и выросла, уличная торговля дозволялась только в определённых местах, а здесь явно не бытовало таких запретов. На каждом шагу продавали то цветы, то свежие овощи, то холодный квас и пиво. В уличной толпе юрко сновали мальчишки-газетчики. Они громко выкрикивали самые горячие новости из свежей прессы, торговцы тоже не молчали, на все лады расхваливая свой товар, и всё это создавало просто невероятный гвалт.

Образцы архитектуры также несколько отличались от привычных. В нашей стране камень не добывают, поэтому даже в городах большинство домов деревянные, что, к сожалению, повышает опасность пожаров. В Элхорне же каменоломен достаточно, поэтому и здания в городах строились преимущественно из камня.

Из окошка кареты я разглядела несколько ярких витрин магазинов, уголок сквера, в котором чинно прогуливались барышни и няни с колясками, а где-то вдали явно находилась какая-то фабрика, из высоких труб которой поднимался густой дым.

Мне хотелось пройтись по шумным улицам, размять ноги, но, увы, путь мой лежал не сюда, а дальше. Тут я только проездом. Поэтому через некоторое время карета снова оказалась за пределами города, по бокам дороги вновь потянулись деревеньки, сменившиеся полями, а затем и пустошами.

Я даже опять едва не задремала, но тут карета вдруг резко остановилась, опасно накренившись на левый бок.

— Что такое? — я приоткрыла дверцу и выглянула.

Слуга господина Ветцеля, который выполнял роль не только провожатого, но и кучера, стоял возле кареты, озадаченно почёсывая кудрявую голову.

— Колесо отвалилось, барышня, — пробормотал он.

— Как такое могло случиться?

— Так не наша же карета, госпожа! Наши все справные. А эту господин Ветцель у кого-то взаймы взял.

— Но... как же я теперь доберусь?

— Может, выйдете? Прогуляйтесь маленько, подышите воздухом. А я покамест карету починить попробую.

Делать было нечего. Подбрав подол, я спрыгнула с подножки. Воздух здесь действительно оказался свежим, вот только место какое-то глухое — поблизости не видать никакого человеческого жилья. Так ведь и о помощи в случае чего попросить некого. Разве что проедет кто-нибудь мимо...

Пока мой спутник занимался каретой, пытаюсь приделать отвалившееся колесо, я немного отошла от дороги. Заблудиться тут было негде — не в лесу. Вот только погода не располагала к прогулкам, поднялся ветер, то и дело бросая мне в лицо волосы, и я пожалела о том, что не убрала их в пучок.

Услышав стук копыт, я подняла взгляд и увидела приближающегося ко мне всадника на вороном коне.

Он оказался почти вплотную и вместо того, чтобы проехать мимо, остановился и спешился. Я рассматривала незнакомца со смесью интереса и опасения. Довольно высокий, широкоплечий, облачён в чёрный наглухо застёгнутый костюм и того же цвета плащ, по виду лет примерно тридцати. Мужчина явно был из благородных, поскольку держался совсем не так, как простолюдин. По его жестам, осанке, манере высоко и надменно держать голову сразу же просчитывалось то, что он весьма непрост, да и правильные черты лица с прямым, чуть крупноватым носом и высоким лбом выдавали аристократа.

Когда взгляд холодных внимательных глаз остановился на мне, стало не по себе. Тут же подумалось, что подол платья у меня помялся, шляпка наверняка сбилась набок, а непослушные волосы... Почему я не закрепила их шпильками? Да, в последнее время в моде было носить локоны распущенными, изображая лёгкую небрежность, но я ведь всё равно должна войти в роль гувернантки, а её положению столь фривольная причёска никак не соответствует. Досадное упущение!

— Что-то случилось? — осведомился незнакомец. Голос у него был глубокий и звучный, таким надо бы приказы отдавать. — У вас неприятности?

— У кареты отвалилось колесо, — ответила я на Элхорнском.

— Кто же позволил вам ехать одной, да ещё и в такой ненадёжной карете? — продолжал расспрашивать он. Вот ведь какой... ретроград! Да барышням уже давно позволено путешествовать в одиночестве, я читала!

— Я еду на работу, — ответила кратко.

— И куда же? — не унимался этот любопытный.

— К Милтонам, — назвала я фамилию своих нанимателей.

— И кем же вы будете у них работать, миз... — произнёс он, употребив обращение, которым в Элхорне обычно называют незамужних девушек.

— Минна Лоренц, — чужое имя легко соскользнуло с языка. — Я буду работать гувернанткой. А вы что же, знаете эту семью?

— Очень хорошо знаю, — кивнул собеседник. — Боюсь, миз Лоренц, долго вам прождать на одном месте придётся — ваш кучер не похож на умелого человека и провозится с колесом несколько часов, если вообще сможет что-то сделать. А, тем временем, уже вечереет.

Я закусила губу, осознавая его правоту. Как же досадно! Я никак не рассчитывала застрять на дороге.

— Может быть, мимо кто-нибудь проедет? — предположила я с надеждой. — Например, почтовый дилижанс? Они подвезли бы меня...

— Увы, почтовый дилижанс уже прошёл некоторое время назад, да и до нужного вам дома он не доезжает. Может быть, вас подберёт какая-нибудь другая карета. Но тут мало кто ездит, так что едва ли вам так повезёт.

— Как же мне быть?.. — совершенно растерялась я. Губы задрожали от обиды. Нет уж, не хватало только сейчас позорно расплакаться при нём!

— Могу предложить два варианта. Я как раз еду к Милтонам, так что могу попросить их отправить за вами карету, но это займёт часа три, если не больше, и к тому времени будет уже совсем поздно. Или — второй вариант — вы можете поехать вместе со мной. Я доставлю вас туда, куда вам нужно, а ваш нерасторопный кучер позже привезёт ваши вещи. Кстати, забыл представиться, моё имя Доминик Винтергарден.

Глава 6

Его фамилия означала «Зимний сад» и на удивление ему подходила. В облике этого человека действительно было что-то зимнее, холодное. Я даже поёжилась от его взгляда.

А слова его заставили меня изумлённо приоткрыть рот.

— Поехать... с вами? Но как? Что-то я не вижу вашей кареты.

— А вы предпочитаете исключительно кареты? — усмехнулся он.

Я нахмурилась. Покосилась на коня, который громко всхрапывал и рыл копытом землю, явно желая поскорее пуститься вскачь. Мне вдруг представилось, что я соглашаюсь на это невероятное предложение, смело протягиваю незнакомцу руку, и он поднимает меня, усаживая в седло перед собой.

Ах, каким бы удивительным приключением это было! Ну точь-в-точь как в романах!

Однако я тут же встряхнула головой, напоминая себе о том, что я не книжная героиня, а ездить на одной лошади с мужчиной, если он не является супругом, отцом или родным братом, очень неприлично. Мой провожатый, конечно, не сможет мне помешать, но непременно передаст всё своему хозяину господину Ветцелю. А тот — матушке.

Ох, что тогда будет!

Да и о собственной безопасности забывать не следует. Мало ли, что сказал этот человек! Может быть, он вовсе и не к Милтонам едет!

Завезёт меня в какой-нибудь тёмный лес и привяжет к дереву волкам на съедение...

— Вы меня очень обяжете, если отправите за мной карету, сударь, — вежливо ответила я, отвесив небольшой поклон. — Но, прошу меня извинить, от второго варианта я вынуждена отказаться. Однако и за это предложение спасибо!

— Струсил? — хмыкнул он. — Этого следовало ожидать. Что ж, удачи, миз Лоренц!

— И вам хорошей дороги! — попрощалась я и отчего-то тронувшей сердце тоской проводила взглядом тут же унёсшегося вдаль вороного коня с гордо сидящим на его спине всадником в чёрном. — Ну как? — обратилась с вопросом к кучеру, который по-прежнему силился приладить отвалившееся колесо. — Получается что-нибудь?

— Да я ж не по такой работе, госпожа! — отозвался тот. — Прежде не приходилось этими делами заниматься. А наши кареты...

— Все в хорошем состоянии, я уже слышала, — вздохнула я устало. Своим старанием обставить мой приезд в Элхорн как можно более скромно господин Ветцель оказал мне медвежью услугу. Арендовал старенькую карету, вот и результат.

Прошло ещё некоторое время, мимо нас больше никто не проехал, а починить поломку так и не удавалось. Кони нервно переступали с ноги на ногу. Я их понимала — меня тоже утомляла необходимость стоять на ногах в долгом унылом ожидании, когда мы наконец-то сможем продолжить свой путь.

Вдобавок ко всему небо начало стремительно темнеть. Приближалась гроза.

Я с тревогой смотрела вверх. Небеса наливались мрачной синевой, угрожающе прогрохотал пока ещё вдали гром, усилился ветер. В такую погоду укрыться бы под крышей дома и сидеть в тепле, попивая горячее какао с булочками и глядя в окно на буйство стихии.

Но, увы, я стояла на пустой дороге возле сломанной кареты, да ещё и в чужой стране.

Может, надо было согласиться на предложение Доминика Винтергардена и ехать с ним?..

— Гроза опасное дело, госпожа! — проговорил мой спутник. — И лошадки волнуются, чувт... Вот если б хотя бы без молний, а то ведь и ударить может прямым в нас!

— Хотя бы без молний... — задумчиво повторила я.

Мне никогда ещё не приходилось таким заниматься. Я всегда считала свою природную магию спокойной и мирной. Но ведь природа — это не только налитые зерном поля или тихий плеск ручейка. Ливни и грозы — тоже её часть. А, значит, я могу попытаться управлять и ими.

Конечно, не факт, что получится, но попробовать-то можно!

— Не отвлекай меня сейчас, — сказала я слуге господина Ветцеля и, сосредоточившись на зреющих в почти чёрном небе злых молниях, мысленно приказала им обойти стороной пустошь, на которой нас так некстати застала непогода.

Не сразу, но я ощутила — что-то начало происходить. В воздухе раздалось негромкое потрескивание, показалось, будто запахло палёной бумагой. У меня зашумело в ушах, а руки точно сами собой взметнулись вверх. Кончики пальцев немного пекло, как будто я неосторожно протянула их к огню. Я вытянулась, поднимаясь, на цыпочки, и с губ сорвалось одно лишь слово:

— Остановись!

Замерла так на долгое мгновение, а затем опустила руки и прерывисто выдохнула. Получилось или нет? Есть ли надежда, что гроза не начнётся?

Спустя несколько минут с неба полилась вода, точно наверху над нашими головами опрокинулось огромное ведро. Дождь оказался сильным. Но гром стих, и ни одна молния не перерезала небо над нашими головами.

— Да вы просто чудесница, госпожа! — пробормотал с уважением и некоторой опаской мой провожатый. — Вы уж не сердчайте на меня за то, что не удалось починить колесо... Я старался как мог, но...

— Что уж теперь... — отозвалась я. — Нужно спрятаться от дождя и переждать. Будем надеяться, тот человек, который со мной говорил, сдержит своё слово, и за нами кто-нибудь приедет.

К тому времени, как я забралась обратно в карету и принялась искать что-нибудь тёплое в саквояже, промокнуть всё же успела. Даже с волос текло, а подол хоть выжимай. Ещё и в туфлях неприятно хлюпало. Бррр! Встряхиваясь, как домашняя кошка после купания, я закуталась в шаль.

— Едут! Госпожа! Вижу карету! — прокричал мне мужчина.

Глава 7

Я с надеждой выглянула на его голос.

— Но эта же не та карета...

К нам действительно приближался нарядный господский экипаж, вот только ехал он не с той стороны, в которую ускакал Доминик Винтергарден, а с другой.

— Какая разница? — ответил на мои слова провожатый. — Всё равно надо попробовать её остановить. А иначе до ночи тут проторчим! Я-то ладно, а вы-то как, госпожа? Коли вы заболете, господин Ветцель мне голову открутит!

Он выбежал на раскисшую от дождя дорогу прямо перед экипажем и принялся размахивать руками. Карета остановилась, но её пожилой кучер явно был недоволен. Как и его хозяин, который выглянул, приоткрыв дверцу.

— Что тут у вас? — осведомился он, брюзгливо поджав тонкие губы.

— Колесо сломалось! Может, подвезёте госпожу? Вещей у неё мало, а я уж как-нибудь разберусь.

Я спрыгнула с подножки и приблизилась к чужой карете, придерживая обеими руками потяжелевший от влаги подол. Зрелище я сейчас собой представляла наверняка плачевное. Мокрая, как мышь, дрожащая от пропитавшей одежду влаги, волосы некрасиво повисли сосульками.

— И это ваша госпожа? — скептически произнёс мужчина, окинув меня взглядом. — Да она мне весь салон кареты замочит, если я её пущу. Подождите кого-нибудь другого, к тому же мы едем не в город, а в поместье Милтонов.

— Я тоже еду к Милтонам! — заявила я решительно. До чего же неприятный тип! Смотрит на меня как на нищенку подзаборную!

— Ну, раз такое совпадение, то давай подвезём девушку, Реджи, — раздался из кареты мелодичный, но с капризными нотками женский голосок, и я увидела спутницу мужчины. Она выглядела настоящей дамой — красивая той дерзкой уверенной красотой, обычно не свойственной уроженкам Элхорна, с чёрными как смоль волосами, убранными под кокетливую шляпку с пером, и вызывающе-чувственным изгибом ярко-алых губ. — А что привело вас к Милтонам, миз?

— Меня зовут Минна Лоренц, и я буду работать у них гувернанткой Аланны и Кэйти, — быстро ответила я.

— А, я слышала, что они собирались нанять гувернантку-чужестранку, — хмыкнула незнакомка. — Значит, это вы и есть? А я Мередит Глау, сестра отца девочек.

— Очень приятно! — склонила я голову, входя в роль.

— Реджинальд Глау, — сухо представился её супруг. — Что ж, если Мерри согласна вас подвезти, то садитесь быстрее! Не задерживайте!

— Благодарю вас!

Я торопливо, пока господа не передумали, юркнула в салон кареты и забилась в уголок. Бархатная обивка подо мной тут же намочла. Мой провожатый тем временем принёс мою поклажу.

— Знаешь что, оставь ты эту карету здесь, если так ничего и не получится, и добирайся обратно верхом! — быстро сказала я ему. — Передавай мой привет и благодарность своему хозяину! Спасибо!

Всю дорогу Реджинальд Глау сидел в надвинутой на самые глаза шляпе-цилиндре и неприязненно косился в мою сторону, точно я одним своим присутствием оскверняла его драгоценный экипаж, зато его жена тут же принялась меня расспрашивать. Её интересовало всё — откуда я родом, где работала прежде, почему мне вообще пришлось стать гувернанткой... Тут-то и пригодилась заученная мною легенда о Минне Лоренц и её скучной жизни.

Мы уже почти добрались до поместья семейства Милтонов, когда нам попала застрявшая в канаве карета. Та самая, которую, таки сдержав своё обещание, отправил за мной Доминик Винтергарден. Пришлось остановиться, чтобы сообщить, что забирать меня уже не нужно.

— Откуда они узнали, что у вашей кареты отвалилось колесо? — полюбопытствовала леди Глау.

— Мимо проезжал один человек, который тоже направлялся к Милтонам, — ответила я.

— Что за человек?

— Его фамилия Винтергарден.

— Доминик? — удивилась она, нахмутив выщипанные брови.

— Дорогая, ты не должна называть его по имени, — поморщился её не улыбочивый муж. — Особенно при посторонних. Это фамильярно.

— Да, он, — ответила я. Разговор между супругами показался мне похожим на стоячее болотце, с поверхности которого поднимались из глубины пузыри. Как будто мужчина... приревновал свою благоверную к Доминику Винтергардену. Хотя, возможно, Реджинальд Глау просто был строгим ревнителем приличий, а всё остальное я себе попросту домыслила. Хотя, надо сказать, в привлекательности он весьма уступал жене. Её красота, несомненно, притягивала мужские взгляды. Я тоже мечтала быть роковой брюнеткой с кожей цвета свежих сливок и от природы ярким румянцем на щеках, а уродилась бледной и рыжеволосой.

— А кем лорд Винтергарден приходится Милтонам? — поинтересовалась я. — Просто знакомый? Друг семьи?

— Он брат леди Милтон, — ответила прекрасная Мередит таким тоном, как будто хотела сказать «А тебе-то какое до того дело, милочка?», и я замолчала.

Уже начало темнеть, так что в сумерках мне не удалось как следует разглядеть поместье, где жили мои наниматели, однако территория, которую оно занимало, несомненно, оказалась большой, а сам особняк — красивым и старинным. Может быть, тут даже привидения водились. «Разгляжу всё как следует при свете дня», — решила я.

Дождь уже закончился, но было сыро и промозгло, в промокшей одежде я замёрзла и с нетерпением ждала мгновения, когда наконец-то окажусь под крышей, протяну руки к теплу камина и переоденусь в сухое. Да и голод заявил о себе. Матушка предлагала мне взять что-нибудь перекусить в дорогу, но с утра у меня не было аппетита, так что я отказалась, о чём впоследствии очень пожалела.

Мы наконец-то остановились у входа в дом, и дверь, из-за которой повеяло запахами свежеприготовленного ужина, распахнулась перед нами.

Глава 8

Памятуя о своей роли простушки-гувернантки, я скромно держалась позади супругов Глау. Мередит шагала с видом королевы, а вот её муж почему-то довольным не выглядел. То ли у него несварение желудка, то ли характер такой желчный, то ли не рад тому, что пришлось ехать сюда по размытой ливнем дороге.

Я перешагнула порог и оказалась в просторном холле с высокими потолками. Как в каждом приличном Элхорнском доме, нас встречала экономка, оказавшаяся, впрочем, вовсе не благообразной старушкой с седыми буклями и строгим взглядом за стёклами очков, а энергичной особой лет сорока — сорока пяти. Все до единого волоска на её голове были убраны в пучок, а платье так жёстко накрахмалено, что наверняка могло бы стоять и само по себе, без женщины.

Само собой, первым делом она по всем правилам местного этикета, но без подобострастия поприветствовала гостей и отправила горничную проводить их, после чего обратила взор на меня.

— А вы...

— Меня зовут Минна Лоренц, я гувернантка, — отрекомендовалась я. С каждым разом чужое, не моё настоящее имя слетало с языка всё легче. — Ваши хозяева меня ждут, правда, я должна была приехать раньше, но у кареты отвалилось колесо, и поэтому...

— А, так это за вами велел послать карету лорд Винтергарден, — произнесла она, буравя меня серыми глазами. Похоже, от её взгляда не укрылась ни единая деталь моего облика. — Я надеюсь, вы не станете постоянно ходить с такой причёской. Люди в некотором плане мало отличаются от животных, знаете ли, тоже линяют. Мне бы не хотелось, что ваши длинные рыжие волосы были раскиданы по дому, это добавит работы горничным.

— Не стану, — ответила я, проглотив возмущение. Посмотрите-ка на неё! И вовсе я не линяю!

— А вещи ваши где?

— Остались в карете.

— Так и быть, пошлю за ними лакея. Энни! — окликнула она горничную, которая уже проводила чету Глау и вернулась в холл, ожидая дальнейших распоряжений. — Покажи миз Лоренц её комнату, пускай переоденется, а затем представится лорду и леди Милтон, когда они смогут её принять!

Поднимаясь по лестнице вслед за ловкой востроглазой Энни в чёрном платье с белым фартуком, я вспоминала беседу с господином Ветцелем. Прежде я и не задумывалась о положении гувернантки в доме. А ведь оно весьма непростое. Выше, чем у других слуг, конечно, но она всё равно наёмная работница. Да и не от хорошей жизни образованные благородные девушки идут в гувернантки, чтобы учить чужих детей вместо того, чтобы выйти замуж и завести своих.

Отведённая мне комната, стены которой были оклеены светлыми обоями, оказалась небольшой, но уютной. Тут наличествовало всё необходимое — кровать, платяной шкаф, письменный стол, обтянутое клетчатой тканью кресло, на стене зеркало в круглой деревянной раме. А самое главное — здесь имелся камин, уже растопленный!

— Ученическая рядом, — сообщила мне Энни. — Вы обустраивайтесь пока. Сомневаюсь, что хозяева смогут встретиться с вами сразу же, у них сегодня гости.

— Лорд Винтергарден, лорд и леди Глау... Ждут кого-то ещё? — спросила я, снимая шаль и шляпку, но тут же укорила себя за излишнее любопытство. Гувернантке не пристало чересчур интересоваться жизнью нанимателей, а тем более их гостями.

— Никого, и этих хватит! Леди Глау, как что не по-ейному, сразу же хозяйке жалуется, а лорд вечно губы кривит, то невкусно им, то не с той стороны подошли, то новую салфетку вместо оброненной в тот же миг не подали! Удивляюсь, как они согласились вас на дороге подобрать! — высказала явно накипевшее горничная.

— С большой неохотой, — призналась я. — Просто леди Глау наскучила дорога, и ей захотелось поболтать, вот она и смилостивилась. А её муж... он кривил губы, — добавила. — А всё потому, что я ему своей одеждой салон кареты замочила. До чего же неприятные люди!

— Это ещё мягко сказано! — воскликнула Энни, и мы переглянулись, как две заговорщицы. А я и не думала, что болтать с прислугой может быть так весело. Обычно-то я находилась по другую сторону, в роли хозяйки.

Вскоре долговязый лакей принёс мою поклажу, и горничная оставила меня, чтобы я могла

переодеться. Я подошла к двери, чтобы запереть её на щеколду, и у меня внезапно закружилась голова. Меня повело в сторону, пришлось уцепиться за косяк, но рука соскользнула, и я, пошатываясь от слабости, рухнула в кресло.

Похоже, на меня навалился запоздалый откат после использования магии. Я никогда прежде не останавливала молнии и не могла заранее ожидать, что это случится, хотя мне и приходилось слышать о таком. Увы, владение даром не означает наличие у мага неисчерпаемого колодца энергии, и следом за сильным напряжением приходит истощение не только магических, но и телесных сил. Со мной это происходило впервые, и ощущения оказались не из приятных. А если учесть, что к откату добавилось чувство голода и усталость от долгой дороги, то я даже подняться с кресла не могла — не держали ноги, а голова сама собой клонилась к коленям.

«Я только чуть-чуть отдохну», — подумала я, проваливаясь в сонную дремоту, и меня обволокла увлекающая за собой темнота.

Я не знала, сколько это продолжалось. Ощущала, что меня трясли за плечи, пытаюсь разбудить, но проснуться не могла, снова проваливалась в странное забытье, которое в полной мере не являлось ни сном, ни реальностью. А затем раздались чьи-то уверенные шаги, и прохладная ладонь легла на мою щеку, откидывая упавшие на лицо пряди волос.

Глава 9

Я открыла глаза, выныривая из тьмы, и увидела склонившееся надо мной лицо, которое показалось знакомым. Следом за узнаванием вспомнилось имя. Зимний сад.

— Лорд Винтергарден... — пробормотала я. — Что вы здесь делаете? Вы приехали за мной лично?

— У неё бред! — ахнул пронзительный женский голос, и от его звучания я поморщилась.

— Такое бывает, это не заразно, — отмахнулся от кого-то Доминик Винтергарден. — Выйдите все отсюда! Вы мне мешаете!

Похоже, неизвестная женщина — или их было несколько? — послушалась, и стало тихо. Мне казалось, будто я всё ещё еду в карете, которая мерно покачивалась, и я вместе с ней. Веки снова опустились.

— Не закрывайте глаза! — властно потребовал мужчина. — Ну же! Смотрите на меня!

Ослушаться его было непросто, и я повиновалась. Я лежала на чём-то мягком, судя по всему, на постели, а лорд Винтергарден стоял надо мной, наклонившись непозволительно близко, да ещё и опирался ладонями на подушку по обе стороны от моей головы. Так, что я могла разглядеть его куда подробнее, чем при нашей встрече на дороге, чем и воспользовалась. Сейчас можно было понять, что волосы у него не каштановые, как мне показалось сначала, а тёмно-русые с медным отливом, а глаза точно меняют свой оттенок от светло-карего до серо-зелёного. У этого человека в самом деле была внешность настоящего аристократа — ему, окажись он на моём месте, едва ли удалось бы притвориться кем-то, кем он не является.

— Вы красивый, лорд Винтергарден... — сорвалось с моих губ. Запоздало прикусила язык. Что я несу?

— Спасибо за комплимент, миз, — усмехнулся он. — А сейчас, пожалуйста, помолчите. Я должен сосредоточиться, чтобы вам помочь.

Я послушно закрыла рот, пока мой язык ещё что-нибудь не сболтнул, и снова поймала неотрывно направленный на меня взгляд. Теряясь в нём, падая. Казалось, что всё, окружающее меня, исчезло. Не было больше ни тревог о будущем, ни страха перед тем, что не справлюсь, и мой маскарад раскроют в два счёта. Только эти глаза, глубокие, затягивающие, как омут.

Уже знакомое ощущение от прикосновения прохладной ладони к щеке, а следом хлынувший в меня поток энергии. Она походила на холодную родниковую воду в жаркий полдень, когда пьёшь её, пьёшь и не можешь напиться. От этого в голове прояснялось, усталость стремительно отступала, а дышать становилось всё легче.

— Что вы сделали? — спросила я, когда мужчина убрал руку от моего лица.

— Влил в вас часть своих сил, — проговорил он. — Вы что же, не знаете, что нельзя так бездумно расходовать энергию? Нужно знать свой предел, прежде чем браться за... что вы там такого сделали?

— Остановила молнии, — честно ответила я и впервые увидела на его невозмутимом лице проблеск удивления.

— Что-что? — уточнил Доминик Винтергарден, очевидно, решив, что ослышался. Я преисполнилась гордости за своё достижение. — Повторите. Нет-нет, не вставайте пока, — остановил он меня, когда я приподнялась на постели. — То, что вы сейчас чувствуете, сродни опьянению, лучше ещё некоторое время оставаться в горизонтальном положении.

— Остановила молнии, — повторила я. — Вы уехали, и я даже пожалела, что отказалась от вашего предложения... Начиналась гроза, и мы с кучером очень боялись, что ударит в карету. Тогда я решила попробовать этого избежать... И остановила.

— Очень интересно, — хмыкнул мужчина. — Значит, у вас всё получилось? И где же вы этому научились, миз Лоренц?

— И вовсе я не училась, — призналась я. — Это интуитивная природная магия. Не академическая.

Лицо лорда Винтергардена стало задумчивым. Он выпрямился, походил туда-сюда по комнате. Я смотрела на него сверху вниз, почти не испытывая неловкости из-за того, что лежу в присутствии едва знакомого мужчины.

— Значит, интуитивная?

— Да. Между прочим, это вовсе не секрет. О том, что я владею природной магией, сказано в моих рекомендательных письмах. Вы же не думаете, будто я обманываю своих нанимателей, скрывая наличие дара? Я честная девушка!

— Не сомневаюсь в этом, миз Лоренц. Вот только официально признанным видом магии в Элхорне — и не только здесь, как мне известно — является академическая магия. Та, которой можно выучиться, которую можно систематизировать и описать, которой можно управлять, зная её законы и основы. Об интуиции здесь и речи нет. Видите разницу?

— Вижу, но не моя вина в том, что природной магии не учат, — фыркнула я. Винтергарден явно сел на своего любимого конька. Он, случайно, не ректор магической академии?

— Если бы вы учились, то знали бы об откате и о том, чем он вам грозит, — произнёс он назидательно.

— Чем? — испугалась я.

— Если бы меня здесь не оказалось, остальные не поняли бы, что с вами. Решили бы, что это обыкновенная простуда после того, как вы промокли под дождём. Однако обычное лечение не возымело бы эффекта, и, если ваш организм недостаточно силён, это могло бы иметь последствия — от потери дара до серьёзной физической болезни.

— Простите... я действительно не знала...

Да и откуда мне было об этом знать? Моё владение природной магией проявилось в детстве, больше в семье магов не было, а тот, которого пригласили для консультации, как раз и сообщил, что в академиях такие, как я, не учатся. Обычно я не пользовалась своим даром для чего-то серьёзного, а об откате слышала лишь краем уха.

— Теперь знаете, миз Лоренц. Но молнии... Похоже, ваша магия сильнее, чем обычно бывает у природников, — заметил Доминик Винтергарден, и мне очень не понравился исследовательский интерес в его голосе.

Глава 10

— Я больше не буду, — сказал я. Наверное, это прозвучало смешно и по-детски. Я в самом деле почувствовала себя ребёнком, вынужденным оправдываться перед взрослым.

А затем рассердилась. Почему я вообще должна искать какие-то оправдания? Не моя вина, что тех, кто родился с даром природной магии, не брали в академии.

Хотя, может быть, в Элхорне дело обстояло по-другому?

— Нет, — ответил мне Доминик Винтергарден, когда я задала ему этот вопрос. — Людей с таким даром очень мало, причём академическая магия им не даётся. Были случаи, когда природников брали в академию, но те во всём отставали от других студентов, а составлять для них специальную программу посчитали бессмысленным.

— Бессмысленным, — фыркнула я. Эти академически маги — те ещё задаваки, считают, что только их магия, описанная в талмудах, настоящая, а всё остальное — примерно то же самое, что колдовство невежественных деревенских бабок, к которым обращаются ещё более невежественные крестьяне. — Будь я студенткой...

Не договорила фразу, вовремя осёкшись. Хотела сказать, что тогда я бы могла спрятаться в стенах какой-нибудь закрытой академии, а не работать гувернанткой. Да и привилегии, какие получают академические маги, мне бы полагались. А так их нет. Потому что кто-то вроде того же Винтергардена решил, что природная магия годна только на то, чтобы цветочки выращивать.

— Сейчас, глядя на вас, я начинаю понимать, что это упущение, — заметил мой собеседник, потирая подбородок. — Так не должно быть. Каждому известно, что интуитивная магия значительно слабее академической.

Я закатила глаза, правда, он этого не заметил, поскольку всё ещё расхаживал по комнате. По моей, между прочим, спальне! Наедине со мной!

Хотелось бы надеяться, что леди Милтон доверяет брату и не будет подозревать нас с ним в чём-нибудь непотребном, а иначе я получу отставку, ещё не начав работать.

— Почему вы мне это говорите? — Кажется, состояние, похожее на опьянение, постепенно проходило, и я начинала говорить и мыслить всё более связно. — Скажите это тем, кто сделал такой вывод.

— Вот что, миз Лоренц, — резко развернулся ко мне лорд Винтергарден. — Договоримся так. Пока вы не применяете свой дар. Ни для чего — даже чтобы сорвать яблоко с верхней ветки, — уточнил он. С чем угадал — порой, отдыхая с книгой на веранде родного дома, я именно так и срывала плоды из сада. — К вопросу о вашей магии мы ещё вернёмся, когда я приеду снова, — добавил почти угрожающе. — А пока можете подготовиться к встрече с Лорой и её супругом, не буду вам мешать.

С этими словами он вышел, а я так растерялась от всего услышанного, что даже не успела поблагодарить его за моё спасение...

Поднявшись с кровати, прислушалась к себе. Кажется, магический откат прошёл без следа — помогло вливание силы. А вот голод никуда не делся. И я ведь даже переодеться не успела. Влажная одежда неприятно холодила кожу, ткань отделанной кружевом блузки почти неприлично прилипла к телу, волосы начали подсыхать и вились кольцами.

И этот мужчина видел меня такой!

Я поспешно принялась доставать из саквояжа вещи. Нашла бельё, платье, которое выглядело поприличнее, торопливо натянула на себя, поглядывая на дверь. Едва успела переодеться, как та отворилась, и вошла уже знакомая мне Энни.

— Как же вы меня напугали! — всплеснула она руками. — Я вас бужу-бужу, а вы не просыпаетесь! Побежала доложить экономке, а лорд Винтергарден как раз проходил по коридору, услышал и захотел сам посмотреть... Это что с вами было-то? — не сдержала любопытства горничная. — Али порчу кто навёл по дороге?

— Уже всё хорошо, — отозвалась я, представляя, как перекосилось лицо экономки от известия о том, что со мной случилось. Только приехала, а уже всех переполошила, и карета застряла в канаве, когда поехала за мной! Несомненно, все шишки за это свалятся на меня. — А лорд и леди Милтон тоже знают? Они уже послали за мной?

— Пока нет, — мотнула головой Энни. — Гостей покамест развлекают. Эта леди Глау... —

поморщилась она, очевидно, натерпевшись придинок от красавицы. — А барышни уже спать ложатся. У них режим дня. Это только у нас никакого режима нет. Весь дом спит — прислуга на ногах, столько всего переделать надо!

— Режим — это важно, — кивнула я рассеянно. Сосредоточиться на беседе с девушкой никак не получалось — слова Доминика Винтергардена продолжали звучать в ушах. Он действительно холодный, как его фамилия. Ни капельки сочувствия к моему положению! Смотрел, точно не на живого человека, а на экспонат музейный, уродца какого-то. В нашем городке как-то была проездом такая выставка. Матушка, как услышала, какой там страх, так побоялась идти и мне запретила, но я всё же заглянула в компании приятельницы и её компаньонки.

— Вы с ними теперь только завтра увидите, — сказала горничная, имея в виду моих будущих воспитанниц.

— Какие они? — поинтересовалась я. — Аланна и Кэйти. Не очень капризные?

— Старшенькая больно уж серьёзная, всё бы ей по правилам надо. Чистописание очень уважает. У вас как с чистописанием, миз?

— Нормально, — ответила я. — Хорошо даже. А младшая?

— Меньшая всеобщая любимица. Улыбнётся — как флорином одарит. Да вы сами увидите!

Я с облегчением вздохнула. Кажется, не всё так плохо... Может быть, я действительно смогу подружиться с девочками Милтон и приживусь в этом доме. Вот только что имел в виду лорд Винтергарден, сказав, что к вопросу о моей магии мы ещё вернёмся, когда приедет снова? Он что же, явится сюда только ради меня?..

Глава 11

Воспользовавшись тем, что у Энни выдалась свободная минутка, я ещё немного порасспросила её о порядках в доме. Ведь должна же я заранее узнать, что меня ждёт. Господин Ветцель сказал, что семья, в которой мне придётся работать, очень хорошая, но вдруг его ввели в заблуждение?

— Лорд Милтон очень умный, — рассказывала горничная. — Носит очки и много читает. Они с сестрой совсем не похожи, а вот старшая дочь пошла в него.

— Значит, Кэйти в мать? — предположила я.

— Пожалуй, — заметила собеседница.

— Леди Милтон — строгая хозяйка?

— Почти все распоряжения мы получаем не от неё, а от экономки. Ух, гримза! — сморщилась Энни. — А леди Милтон очень приятная дама, красавица. Ей бы в столице на балах блистать, а она тут прозябает. Так даже соседи говорят, я слышала.

— А... её брат?

И к чему я вообще об этом спросила?

— Очень важный человек, очень. На серьёзной должности. Я его, если честно, побаиваюсь, — добавила вполголоса.

— Он... женат?

А этот вопрос к чему? Я укусила себя за кончик языка. Вот ведь... болтушка!

— Нет, миз, — отозвалась девушка. — Леди Милтон и рада была бы его женить, да работает он много. Совсем недосуг с барышнями знакомиться! На бал дебютанток кексом не заманишь. Хозяйка уж так старалась кого-нибудь для него найти, а после рукой махнула.

Значит, холостяк... Впрочем, мне-то до этого какое дело? Я встряхнула головой, точно желая таким образом вытрясти из неё мысли о Доминике Винтергардене, и полезла в дорожный несессер за гребнем для волос — следовало привести причёску хоть в какое-то подобие надлежащего вида.

— Но есть кое-что интересное, — так тихо, что почти шёпотом добавила Энни, заговорщицки наклонившись ко мне. — У лорда Винтергардена был роман. А знаете, с кем — с леди Глау!

— Так она же замужем! — воскликнула я.

— Это ещё до её свадьбы было, — хихикнула собеседница. — Конечно, роман держали в секрете, ведь они даже не обручились, но кое-кто их видел и растрепал. Всё тайное рано или поздно становится явным, так-то!

— Он не сделал ей предложение, и тогда она вышла за лорда Глау? — уточнила я. Вспомнился, казалось бы, невинный, однако напряжённый разговор в карете. Получается, Реджинальд тоже что-то знал и поэтому ревновал Мередит к тому, с кем она встречалась до замужества?

— Ну да, лорд Глау неплохая партия, хоть и не красавец, — кивнула девушка. — Лучше уж брак с ним, чем позор. Вот только детей у них нет — надо думать, супруг этим весьма недоволен.

Кажется, она хотела сказать что-то ещё, но скрипнула дверь, и в комнату энергичным шагом вошла экономка.

— Языком чешешь? — смерила она сердитым взглядом разом понурившуюся горничную. — А работать я за тебя должна? Что же до вас, миз Лоренц, то с вами я ещё поговорю о том, как у нас тут всё заведено, но сначала вас желают видеть лорд и леди Милтон.

Похоже, эта особа возомнила себя тут настоящей хозяйкой. Но гувернантка — это не лакей, горничная или посудомойка. И командовать собой я этой... гримзе не позволю!

— Проводишь меня к ним? — спросила я у Энни, и та понятливо кивнула, после чего шагнула к двери, а я поспешила за ней.

— Спелась уже! — проворчала нам в спины экономка и пошла следом. — Хозяева в книжной комнате! И не забудь принести горячего молока с мёдом для барышень и мятный ликёр для леди Глау, а иначе она не выспится.

А у прекрасной Мередит, видимо, нервическое расстройство, раз даже уснуть без мятного ликёра

не может. Среди матушкиных знакомых тоже попадались такие женщины. Обычно несчастливые в браке.

Любопытно всё же, почему Доминик Винтергарден не предложил ей выйти за него? У них общие племянницы. И пара получилась бы красивая...

Почему-то думать об этом было неприятно.

Мы спустились на первый этаж, и горничная провела меня в комнату, которая называлась книжной. Там оказалось очень уютно. Гладкий паркет, мягкая мебель, одна стена полностью занята книжным шкафом, к которому приставлена лестница, чтобы доставать книги с верхних полок, над камином морской пейзаж, а в углу фортепиано.

Я уже догадывалась, чего ожидать от своих будущих нанимателей после рассказа горничной, и они с моим представлением совпали. Лорд Милтон выглядел учёным человеком — невысокий, в больших круглых очках, немного рассеянный. У него действительно не было ничего общего с его сестрой, кроме цвета волос, он тоже оказался брюнетом. Его супруга — Доминик Винтергарден назвал её Лорой — в самом деле, производила впечатление утончённой дамы и походила на повзрослевшую сказочную принцессу. Красивое лицо, светлая кожа, убранные в высокую причёску золотые волосы. Её фигура почти не расплылась после двух родов. Хрупкие запястья обвивали браслеты, а нарядное синее платье, которое она, очевидно, надевала к ужину с гостями, очень ей шло.

— Добрый вечер, миз Лоренц! — поприветствовала меня леди Милтон приятным мелодичным голосом. — А мы вас себе, по правде говоря, представляли иначе. Не такой... — она замялась, явно подбирая слово, — яркой.

Я поняла, что это намёк на мои рыжие волосы. Они действительно выглядели вызывающе-яркими. Как пламя. Некоторые даже думали, что это ненатуральный цвет, но я с таким родилась. Ещё один фамильный признак — матушка рассказывала, что ещё тогда, когда я едва появилась на свет, у меня на голове был огненно-рыжий хохолок.

Глава 12

— Впрочем, это ведь не недостаток, — очевидно, желая смягчить сказанное о моей внешности, проговорила леди Милтон. — Насколько я знаю, вы уже служили гувернанткой в нескольких местах, и ваши наниматели были вами довольны. Не так ли?

— Да, — отозвалась я, скрестив за спиной пальцы. — У меня есть рекомендательные письма. Я оставила их в своей комнате...

— Покажете их нам завтра, — произнесла хозяйка дома. Муж её молчал, изучая меня взглядом из-за стёкол очков. — Вы, должно быть, устали с дороги, миз Лоренц. Вам нужно отдохнуть, всё равно для знакомства с девочками сейчас уже поздно. Надеюсь, вам понравилась ваша комната?

— Да, благодарю вас, — склонила я голову. Находиться в такой роли было странно — я привыкла держаться с аристократами на равных, а теперь оказалась в положении ненамного выше домашней прислуги. — Комната очень уютная, я не могла бы и рассчитывать на лучшее.

— Рада, что так. Наша прежняя гувернантка уехала ухаживать за больным отцом. Но вы ведь сирота, верно?

— Да, леди Милтон.

— Сочувствую вам. Моих родителей тоже нет в живых. И у моего супруга из родственников никого не осталось, кроме сестры и её мужа. Вы ведь знаете их? Нам сказали, что они подвезли вас в своей карете.

— У той кареты, в которой я ехала в поместье, сломалось колесо, — призналась я. — А та, которую отправил за мной лорд Винтергарден, застряла в канаве. Простите, что из-за меня вышло столько хлопот, — добавила смущённо.

Хорошо ещё, что им не успели доложить о моём недомогании из-за магического отката! Хотя экономка ведь в курсе. Она вполне может и рассказать хотя бы даже просто из желания досадить мне.

Как и о том, что мы с Домиником Винтергарденом оставались наедине в моей комнате...

— Всякое бывает, — нарушил молчание лорд Милтон. — Будем надеяться, дальше всё сложится хорошо. Вы ведь постараетесь, чтобы так и было, миз Лоренц?

Я рассыпалась в уверениях, что непременно постараюсь, и, дождавшись разрешения идти к себе, поклонилась и, пожелав доброй ночи, покинула книжную комнату. Свою спальню отыскала легко — обычно я без труда запоминала направление. В коридоре столкнулась с Энни — та как раз несла на подносе две чашки горячего молока и тарелку с печеньем для дочерей Милтонов. От аппетитного запаха ванили и корицы у меня громко заурчало в желудке. День подошёл к концу, а я с самого утра ничего не ела.

— Вы голодны? — догадалась горничная. — Давайте так. Я покончу с распоряжениями гримзы и принесу вам что-нибудь с кухни. Многого не обещаю, но хотя бы ляжете спать не на пустой желудок. Договорились?

— Да, спасибо, — согласилась я. Толкнула нужную дверь и остановилась на пороге. Свой объёмистый саквояж я распаковала не до конца, однако сейчас он стоял немного криво — не так, как до моего выхода из комнаты.

В моих вещах явно кто-то рылся.

К счастью, там не лежало ничего, что выдало бы мою настоящую личность, но я всё равно занервничала. Было неприятно осознавать, что какой-то посторонний человек трогал руками мои платья, чулки, шпильки и прочие личные принадлежности. И кто бы это мог быть?

Впрочем, вероятных кандидатов не так много. Из тех, с кем я успела встретиться в особняке, неприязнью ко мне с первой встречи прониклась лишь одна особа. Экономка, чьего имени я пока так и не узнала. Энни называла её попросту гримзой, и это очень ей подходило. Гримза и есть.

Я знала, что в домах аристократов обычно заведено так, что гувернантка должна подчиняться лишь приказам нанимателей, однако на деле бывало по-разному. Судя по тому, что сказала горничная, леди Милтон практически самоустранилась от ведения хозяйства, переложив всё на экономку. Что же до её мужа, то его, кажется, интересовали только книги, так что вся власть в доме сосредоточилась в руках этой полной злобы и энергии гримзы. Увы, едва ли господин Ветцель мог разузнать об этом заранее, до моего приезда сюда. Разумеется, он навёл справки о семье, но не о слугах.

Со вздохом я принялась разбирать вещи. Кажется, ничего из них не пропало. Я развесила одежду в платяном шкафу, сложила в ящик бельё, расставила в комнате книги и кое-какие мелочи, которые напоминали о родном доме, и устало присела на краешек кровати.

Предвечные, до чего же длинный день!

Короткий стук в дверь, и на пороге появилась Энни. Она снова была с подносом, на котором обнаружилась вазочка с уже виденным мною печеньем, а также дымящаяся чашка чая, щедрый кусок холодного пирога с курицей и сэндвич с сыром и ветчиной. Настоящее сокровище!

Я горячо поблагодарила горничную и с жадностью набросилась на еду. Позабыв о застольном этикете и хороших манерах, глотала обжигающий чай, откусывала то от сэндвича, то от пирога, то от печенья и даже пару раз облизала пальцы. До чего же всё оказалось вкусным!

Энни с улыбкой наблюдала за мной, расположившись в кресле.

— Что, гримза сильно тебя бранила? — осведомилась я, утолив голод.

— Я привычная! — помотала головой девушка. — А уволить она меня не уволит — не слишком-то много желающих здесь работать. Во-первых, из-за неё, об её нраве и вечных придирках слышаны уже все в округе.

— А во-вторых? — полюбопытствовала я. Леди Милтон в самом деле приятная женщина, едва ли прислуге с ней сложно. Да и муж её не похож на того, кто стал бы увиваться за хорошенькими горничными.

— Да ну, глупости всё это! — отмахнулась собеседница, сморщив курносый, усыпанный веснушками нос. — Ходят слухи, будто в поместье водятся привидения. Но я проработала тут полгода и ещё ни одного не видала!

Глава 13

— Привидения? — я округлила глаза в изумлении.

— Ну да! — закивала Энни. — Такое говорят про многие замки и особняки в Элхорне. Некоторые боятся, но я-то не из пугливых! — добавила с гордостью. — У меня есть семья в деревне — родители и младшая сестра. Мне нужно кормить их, а будь я трусихой, ничего бы не заработала. Ох, что-то я совсем вас заболтала, миз! Ложитесь-ка спать, а то уже завтра вам пора приступать к работе!

— погоди! — остановила я её, когда горничная, взяв поднос, направилась к двери. — Ты знала предыдущую гувернантку? Вы дружили?

— Так, немного, — пожала плечами девушка. — Ничего плохого о ней не скажу. Она тоже была иностранкой, но вы, миз, говорите лучше неё, практически без акцента!

— А с экономкой она была в каких отношениях?

— Да разве же с гримзой можно быть в хороших? — хохотнула Энни. — Мне кажется, её даже леди Милтон побаивается. Но это между нами!

С этими словами горничная вышла из комнаты.

Я думала, что в первую ночь на новом месте глаз сомкнуть не смогу, но провалилась в сон, едва коснувшись головой подушки. Сновидения были смазанными, обрывистыми. В них мелькали молнии, крутились колёса карет, надо мной склонялось строгое лицо Доминика Винтергардена, а ещё мелькала какая-то фигура в белом, и там, во сне, я точно знала, что это призрак.

Проснувшись, некоторое время растерянно смотрела в потолок. Приснится же такое! Не сразу вспомнилось, что ночую не дома.

Комнату заливал солнечный свет, и ничто не напоминало о вчерашней непогоде. Я поднялась с постели, одёрнула ночную рубашку и вздрогнула, услышав стук в дверь. Пришла Энни.

— Меня уже зовут? — испугалась я. Следовало завести будильник! — Барышни проснулись?

— Ещё не поднялись ни они, ни их родители, — улыбнулась мне горничная. — Вы ранняя пташка, миз. Не проспали!

Я зевнула в ладошку.

— У вас ещё есть время собраться и позавтракать. Только больше я вам ничего принести не смогу, — добавила собеседница, точно извиняясь. — Гримза меня вчера на обратном пути заловила и сказала, что, ежели хозяйева не посадят вас с собой за один стол, то вы должны спускаться на кухню и есть то, что готовят для слуг. Это вкусно, вы не беспокойтесь! Повариха славная женщина, видите, я, пока живу здесь, жирок нагуляла! — покрутилась она передо мной.

— Хорошо, спущусь, — ответила я. — Спасибо! Поможешь мне выбрать платье, если у тебя есть время?

— С удовольствием, миз!

Совместными усилиями мы остановили выбор на скромном тёмно-зелёном платье с жемчужными пуговками на манжетах и воротнике. Я заколола волосы шпильками, убрав их в пучок. Перед тем, как выйти из комнаты, бросила на себя взгляд в зеркало и сделала глубокий вдох.

Я справлюсь.

Первый мой рабочий день в качестве гувернантки начался с завтрака в просторной кухне особняка. Повариха оказалась именно такой, какой я её представила, а именно добродушной толстушкой в надвинутом на лоб чепце и белом фартуке поверх простого домотканого платья. Она поставила передо мной чашку чая и тарелку с блинчиками, щедро политыми клубничным джемом.

— Ишь, худенькая какая! — проворчала женщина нисколько не сердито.

Я с аппетитом приступила к еде, а после, от души поблагодарив тётушку Берту, как она велела себя называть, захватила из своей спальни пачку рекомендательных писем и отправилась знакомиться с моими воспитанницами. Они вместе с их матерью уже ждали меня в ученической комнате, где наличествовало всё необходимое, включая грифельную доску. Леди Милтон, которая присела перед младшей, что-то ласково ей говоря, выпрямилась и шагнула мне навстречу, оправляя утреннее платье цвета лазури, очень идущее к её голубым глазам, совсем не похожим на переменчивые глаза её брата.

— Вот и вы, миз Лоренц! Чудесно выглядите! Надеюсь, вам хорошо спалось?

— Да, благодарю вас!

— Мы заранее постарались, чтобы вы ни в чём не нуждались, но, если вам понадобится что-то ещё, можете обратиться к Этель.

— Этель?

— Наша экономка. Слуги зовут её миз Смит. Ума не приложу, что бы я без неё делала! — рассмеялась молодая женщина. — Вы, наверное, уже заметили, что мы с супругом не слишком-то приспособлены к ведению хозяйства. А Этель я во всём доверяю. Она служила горничной в родительском доме. К ней сватались по молодости, но она не пожелала оставить нашу семью, так и переехала вместе со мной в дом мужа.

— Вот как...

— Что ж, я посмотрю ваши рекомендации, а вы пока знакомьтесь! — кивнула она на двух девочек, которые жадно прислушивались к нашему разговору и с интересом посматривали в мою сторону. — Это ваша новая гувернантка миз Минна Лоренц! Что нужно сказать?

— Доброе утро, миз Лоренц! — ответили мне дуэтом.

Энни весьма точно описала мне обеих. Хрупкая серьёзная Аланна с золотистыми, как у матери волосами, заплетёнными в толстую косу, пытливо изучала меня взглядом светлых глаз. Маленькая Кэйти застенчиво улыбалась, теребя кружева на платье. Её личико было круглым, а взгляд по-детски простодушным. Я невольно вспомнила себя в том же возрасте.

Обе девочки были очень хорошенькими, а в будущем обещали стать настоящими красавицами — впрочем, как и сама леди Милтон. Я могла представить себе их будущее. Безмятежная жизнь в поместье под крылышком любящих родителей, а после новый гардероб и бал дебютанток в столице Элхорна. Без сомнений, обе привлекут всеобщее внимание. Женихи будут виться вокруг каждой из них, как пчёлы у душистого цветка.

Глава 14

Стараясь преодолеть вдруг овладевшее мною волнение, я улыбнулась двум барышням.

— Доброе утро, Аланна, Кэйти! Очень рада наконец-то с вами познакомиться! Я приехала вчера вечером, но вы уже ложились спать.

— Да, я уже им об этом сказала, — кивнула их мать. — Надеюсь, вы подружитесь. Девочки были расстроены, когда их предыдущая гувернантка уехала, но, увы, обстоятельства того требовали.

Она проглядела одно письмо, следом другое, третье — судя по выражению лица, её ничего в них не насторожило.

— Что ж, вижу, прежние наниматели были вами довольны, миз Лоренц. Здесь сказано, вы владеете природной магией? Как интересно!

— Да, владею, — не стала отрицать я.

— Покажете нам что-нибудь?

Я не удержалась от вздоха. И здесь то же, что и всегда. Мою магию воспринимают лишь как какое-то легкомысленное фокусничество вроде того, что можно увидеть в ярмарочных балаганах, — в отличие от серьёзной академической магии.

— К сожалению, пока я не могу использовать свой дар, — созналась я.

— Отчего же? — удивилась собеседница.

— По моей просьбе, — ответил за меня внезапно шагнувший в ученическую комнату Доминик Винтергарден. Я даже вздрогнула. Не ожидала его увидеть.

— По твоей? — округлила глаза его сестра.

— Меня заинтересовала магия миз Лоренц, и я хотел бы увидеть её дар, как говорится, в деле, но пока ей лучше поберечь резерв и заняться своими прямыми обязанностями гувернантки. Верно ведь? — обратился лорд Винтергарден ко мне. Я сглотнула и ответила согласным кивком.

— Я думала, что вы уехали... — пробормотала растерянно, в очередной раз не успев укротить свой язык, который выдал то, что крутилось в голове.

— Решил задержаться, — невозмутимо ответил он.

— Это я его уговорила! — сказала леди Милтон весело. — Он-то был бы рад с утра пораньше умчаться в столицу. Однако я позвала на вечер гостей, так что ему не отвертеться...

Её брат, стоило женщине отвернуться, возвёл глаза к потолку. А мне вдруг вспомнились слова Энни о том, что хозяйка не теряет надежды женить его. Может быть, и сегодня она решила пригласить к себе какую-нибудь потенциальную невесту?

Почему-то эта мысль оказалась мне неприятна — как горошинка острого перца в рагу, попавшая на зуб и нечаянно раскушенная.

— Лорд и леди Глау тоже ещё не уехали, — продолжала Лора Милтон, а я вдруг заметила, как смотрят на дядю её дочери. В их взглядах сквозило любопытство, но, судя по тому, как держались юные барышни, особой привязанности между ними и братом матери не было. Хотя, возможно, они попросту слишком хорошо воспитаны и не хотят демонстрировать своих эмоций при мне.

Я вздохнула. Меня тоже учили быть сдержанной, вот только не всегда получалось. Темперамент не тот.

— Что ж, не будем мешать, — леди Милтон вышла из ученической, увозя за собой лорда Винтергардена, и я осталась наедине с девочками.

— Что у вас сейчас по расписанию дня? — спросила я.

— Занятия, миз, — ответила Аланна. — Разве вы не за этим сюда пришли? Обычно мы начинаем с чистописания, затем переходим к географии, после арифметика, иностранные языки, рисование, музицирование... А ещё прогулки. Растущему организму очень полезен свежий воздух, вы знаете?

— Это вас прежняя гувернантка приучила к такому режиму?

— Она, — кивнула старшая девочка. — А там, где вы работали, было по-другому? Расскажите?

— Да, пожалуй, практически так же, — отозвалась я, лихорадочно размышляя и боясь, сболтнув лишнее, ненароком выдать себя.

Похоже, работать гувернанткой не так-то просто. Однако к дисциплине и регулярным урокам мне не привыкать. Мой дядюшка — брат отца — на этом настаивал. Сам он был бездетным, да и ещё и крепким здоровьем похвастаться не мог, а потому все надежды связывал со мной. Именно по его желанию я и получила образование в большем объёме, чем обычно полагается девушкам, так что денег на оплату услуг наставников дядя никогда не жалел.

Вот только сейчас мне предстояло занять другую сторону — учителя, а не ученицы.

— Все наши книги здесь. — Аланна кивнула на высокий книжный шкаф в углу. — Если желаете, я могу показать, на чём мы остановились.

— Буду очень благодарна, если покажешь.

— Миз... — Кэйти тронула меня за подол платья, когда я шагнула к шкафу. — А, когда дядюшка позволит, мы увидим вашу магию?

— Непременно, — пообещала я. — В поместье ведь есть сад? Вот там и увидите.

— Спасибо, миз! — расплылась в улыбке младшая барышня Милтон.

— Вот, взгляните! — Аланна распахнула шкаф, дверца негромко скрипнула. — Это тетрадь Кэйти, а это моя — я ведь старше, значит, и программа для меня должна быть углублённая, понимаете?

— Само собой, — кивнула я.

Почерк старшей в тетрадях был очень аккуратным, прилежным и, можно сказать, красивым — не зря ей так нравилось чистописание. Рука её сестрёнки пока не была поставлена как следует, но и она заметно старалась. Я похвалила обеих, и Аланна перешла к другим предметам.

Из учебника географии неожиданно выпал свёрнутый в несколько раз лист бумаги и спланировал прямо к моим ногам. Я подняла его, развернула, пробежала взглядом и почувствовала, что краснею. Невинный с виду листок оказался чьим-то любовным письмом.

Глава 15

Бумажный лист был потемневшим от времени, почерк — изящным, со старомодными завитушками. Он не принадлежал ни одной из моих воспитанниц, но их я бы и не заподозрила в том, что они тайком пишут кому-то письма с признаниями в любви. Скорее уж их прежнюю гувернантку, но почему в таком случае она забыла это послание в учебнике географии?..

Текст письма оказался очень красивым — ну прямо как в романах! Вот только имени адресата здесь не значилось, как, впрочем, и имени отправителя. Как странно...

— А, вот оно где! — хихикнула в кулачок Аланна. — Я-то думала, потерялось. Красивый почерк, раньше все так писали?

— Но... чьё оно? — удивилась я. Выходит, девочки в курсе о письме? А не рано ли им читать признания в любви женщины мужчине?

— Мы его нашли, — ответила мне старшая барышня Милтон. — В доме, на чердаке. Мне тоже очень любопытно, кто его написал, но, увы, я этого так и не узнала...

— А твоя матушка его видела?

— Нет, — помотала головой собеседница. — Я побоялась, что она его отберёт. И вы тоже не говорите! — нахмурилась она. — Никто из тех, кто живёт в доме, его не писал. Я узнала бы почерк.

Я кивнула, ничуть не сомневаясь. С её любовью к чистописанию Аланна действительно узнала бы почерк, будь он ей знаком. В свете открывшихся обстоятельств письмо выглядело ещё загадочнее.

Попыталась представить себе ту, что когда-то писала его в свете свечи, и мне стало грустно при мысли о том, что тот, кому оно адресовано, так его и не получил и не прочёл. Или всё же получил?.. Кто знает.

— Миз Лоренц! — услышала я и отвлеклась от своих мыслей. Меня звала Аланна. — Как думаете, кем она была?

— Та, что написала письмо? — отозвалась я. — Может быть, эта девушка раньше жила здесь? Или даже была твоей прабабушкой?

— А если это она? — произнесла девочка, выделив интонацией последнее слово.

— Она?

— Привидение. Говорят, здесь иногда видят призрак. Даму в белом.

— Но вы ведь её не видели?

— Лично я нет, но она появляется ночью, а мы в это время уже спим, — вздохнула Аланна. — Любопытно, правда? Что если эта душа не может найти покоя из-за несчастной любви?

В это мгновение вдруг показалось, будто по комнате, несмотря на закрытые окна, пронёсся сквозняк, и я поёжилась.

Должно быть, просто фантазия разыгралась.

— Пусть пока это письмо останется у меня, — сказала я. — Но оно будет нашей общей тайной, и мы вместе обязательно попробуем её разгадать. Договорилась?

Старшая барышня Милтон кивнула, а младшая даже в ладоши захлопала.

— Что ж, а сейчас пора приступать к урокам, — проговорила я, вынимая из шкафа остальные учебники. Письмо тем временем переключало в глубокий карман моего платья. — Мы ведь не хотим нарушать распорядок?

Спустя некоторое время, когда наступила очередь прогулки, мы с девочками вышли в сад. За часы прошедших с утра занятий я успела и поволноваться, и увериться в том, что какие-то педагогические способности у меня всё-таки есть. Проводя уроки, я то и дело вспоминала своих наставников, которые приходили в наш с матушкой дом, и невольно перенимала у них то одно, то другое. Манеру речи, какие-то особо запомнившиеся мне слова и фразы. Всё это происходило как-то само собой, стоило лишь представить перед внутренним взором их лица.

И всё же я была несказанно рада, когда вместо сидения над книгами я и барышни получили возможность покинуть ученическую и размять ноги. Кроме того, мне было весьма любопытно

увидеть поместье моих нанимателей. Я ведь приехала сюда вечером, когда уже стемнело, так что лишь сейчас смогла разглядеть особняк и его окружение при свете дня.

Семейное гнездо Милтонов производило незабываемое впечатление. В моей стране поместий, подобных этому, практически не имелось — ими, как, впрочем, и призраками, славился лишь Элхорн. Большой дом, как и стоящий рядом домик для прислуги, несомненно, знавали лучшие времена. И всё же было что-то завораживающее в этой старине оплетённых плющом крепких стен, которые наверняка помнили ещё те годы, когда страна была разделена на несколько обособленных друг от друга графств. Насколько я знала из курса истории, они сплотились далеко не сразу и лишь тогда, когда возникла потребность противостоять общему врагу.

А ещё поместье буквально утопало в зелени. Сад был, может быть, немного диковат, но прекрасен. В нём оказалось немало лавочек, беседок, лесенок и укромных уголков для игры в прятки, чем тут же занялись Аланна и Кэйти. А поодаль начинался лес, который показался мне тёмным и жутковатым, хотя девочки хором уверили меня, что опасных зверей там не водится. Однако, несмотря на их слова, желания прогуляться туда у меня не возникло — пока, во всяком случае.

Улучив момент, пока младшая не слышала, я спросила у старшей барышни Милтон, уж не предыдущая ли её гувернантка написала то письмо. Может быть, в самом деле она? Тогда и загадки никакой нет.

— Миз Бригз? — рассмеялась Аланна. Похоже, моё предположение весьма её развеселило. — Нет, что вы, это вовсе не её письмо! Никто не может быть более далёк от романтики, чем она. Да и почерк её я очень хорошо знаю.

— Что ж, тогда...

— Тогда это вполне может быть Дама в белом!

— Но письмо настоящее, а не призрачное, — заметила я. — Мы обе его видим и можем пощупать. Не думаешь же ты, что привидение способно удержать в руках перьевую ручку?

— Значит, она написала его ещё при жизни.

Глава 16

В словах Аланны, несомненно, прослеживалась логика, но я всё же сомневалась в её выводе. Не так-то легко поверить в то, что вполне материальное любовное письмо написала та, что стала призраком. Дамой в белом.

Я ведь не в роман попала, в самом-то деле!

— Всё в жизни бывает, — кивнула я, не желая разочаровывать воспитанницу. — Но разгадка может оказаться куда-то проще. Возможно, это вообще чья-то шутка.

— Ну вот ещё, — нахмурила лоб девочка. — Кому надо так шутить? К тому же, на нашем чердаке не бывает чужих!

— А вы что там делали? — осведомилась я.

— Просто заглянули посмотреть, что там интересного.

— И как, нашли что-нибудь? — не сдержала я любопытства.

— Старые сундуки, а в них платья. Они давным-давно вышли из моды, сейчас никто такое не носит! И моль их проела, фу! — поморщилась Аланна.

— А где было письмо?

— Лежало в шкатулке! Очень красивой. Матушка разрешила оставить её себе, только о письме мы ей ничего не сказали.

— А ты не спрашивала у отца, кому могла принадлежать шкатулка? Это ведь дом его предков. Наверняка ему что-нибудь известно.

— Не думаю, — как-то по-взрослому вздохнула собеседница. — Наш отец интересуется только книгами. Да и не должен был он унаследовать поместье...

— Что это значит? — не поняла я.

— Мой отец был младшим сыном в семье. Он не стал бы здесь хозяином, если бы его... их с тётёй Мередит старший брат не погиб. Он неудачно упал с лошади, когда брал барьер, и его не смогли спасти, — добавила Аланна, понизив голос. — Нас с Кэйти тогда ещё не было. Отец женился на маме лишь после того, как это случилось.

— Вот как...

Теперь мне стала понятна некоторая отстранённость лорда Милтона от мира и его неуверенность в управлении поместьем. Его просто не растили как наследника, не готовили к тому, что однажды он станет здесь хозяином. Видимо, этот человек, от природы тихий, скромный и погружённый в книги, до сих пор не смог привыкнуть к своей новой роли и налагаемым ею обязанностям.

— Это очень милая история... — добавила собеседница с улыбкой. — Папа не любил балы и званые вечера, его приглашали на них, чтобы с кем-нибудь познакомиться, а он постоянно сбежал от толпы и находил убежище в книжных комнатах. Там и встретил маму...

— Она читала книгу?

— Нет, она тоже пряталась — от кавалера, с которым не хотела танцевать! Романтично, не правда ли? Мне бы тоже хотелось однажды с кем-нибудь познакомиться...

Тут Аланна, похоже, поняла, что наговорила лишнего, ненароком выдав свои тайные мечты, засмушалась и побежала догонять сестрёнку. Та беззаботно носилась вокруг розового куста, пользуясь преимуществами, которые давало укороченное детское платьице. Не желая оставлять девочек одних, я поспешила за ними, но тут меня окликнули.

— Миз Лоренц!

Обернувшись, я увидела, что ко мне приближается Доминик Винтергарден.

Откуда он взялся? Да ещё и подкрался бесшумно, что твой кот! Преследует он меня, что ли? Вот ещё! Делать ему больше нечего!

Все эти мысли промелькнули в моей голове, пока я, застыв на месте, как испуганный кролик, смотрела на мужчину.

— Вы обронили, — протянул он мне то самое загадочное письмо от неизвестной отправительницы неизвестному адресату.

Я схватилась за карман, который оказался вовсе не таким глубоким, как мне представлялось.

— Это не моё!

— Вы уверены, что не ваше, миз Лоренц? — Винтергарден смотрел серьёзно и даже строго, но в его голосе мне почудилась усмешка. И почему я всё время попадаю при нём в неловкие ситуации?..

— То есть... уронила действительно я, но писала не я...

— Тогда чьи же это любовные признания?

— Я бы тоже хотела это знать. И... — запнулась я, не желая выдавать девочек перед их дядей. — Вас не учили, что чужие письма читать нехорошо?

— Так, если оно не ваше, но вы знаете, что там, значит, вы тоже его читали?

Я нахмурилась и снова покраснела — ярко и стремительно, как могут краснеть только рыжеволосые.

— На примере этого письма я учусь изысканному эпистолярному стилю! — выпалила я первое, что пришло в голову. — Вы же видите, что оно старое? Наверняка той, что его написала, уже и в живых нет, так что это... это почти то же самое, что читать роман.

— И к чему же вам владение... как вы выразились, изысканным эпистолярным стилем? У вас есть возлюбленный, миз Лоренц? Кто-то, кому вы желаете написать такое же послание?

— Нет! — отозвалась я, должно быть, чересчур резко. Просто испугалась, что лорд доложит о нашем разговоре сестре. В каком приличном доме будут держать гувернантку, которая, будучи незамужней, тайком переписывается с мужчиной? — Никого нет. Я... собираюсь написать подругам, которые остались на моей родине. Рассказать о том, как я здесь устроилась... Это ведь не запрещено?

— Разумеется, нет, миз Лоренц, вы ведь не в рабстве, — хмыкнул собеседник. — Что ж, возьмите, — вернул он мне злополучное письмо. — И не забывайте, что я вам сказал о магии.

— Вы действительно собираетесь приезжать сюда из-за меня... моего дара? — отважилась спросить я.

— Да, миз Лоренц, я выкрою на это время, — кивнул лорд Винтергарден.

— И... что вы собираетесь со мной делать?

— А вот это вы узнаете, когда мы начнём.

Глава 17

Эти слова заставили насторожиться.

Я так привыкла к тому, что моя магия не вызывает особого интереса, что утратила бдительность по этому поводу. Расслабилась. Вот и результат.

Матушке, дяде и господину Ветцелю это едва ли бы понравилось, но я и не собиралась им обо всём рассказывать, чтобы лишний раз не волновать.

— Простите, я должна идти к моим воспитанницам, — пробормотала я и, едва не задев локтем Доминика Винтергардена на узкой тропинке, зашагала туда, где на фоне тронутой осенней рыжиной листвы виднелись яркие платья Аланны и Кэйти.

Спиной я чувствовала его пристальный взгляд.

Письмо я снова положила в карман и решила до поры до времени к нему не возвращаться — слишком уж оно напоминало о моих попытках оправдаться перед лордом Винтергарденом.

После прогулки мы с девочками вернулись в дом и продолжили заниматься. Обед, а следом и ужин, нам принесли прямо в ученическую. А вечером в особняк Милтонов приехали гости.

В окно я видела, как к дому подъезжали кареты. Слуги носились туда-сюда. Специально приглашённые музыканты настраивали инструменты, из столовой, где накрывали поздний ужин, доносились вкусные запахи.

Меня не пригласили.

Впрочем, я этого и не ждала. Не обманывала себя иллюзиями о том, что со мной — простой гувернанткой — будут обращаться как с равной хозяевам. Да и господин Ветцель об этом предупреждал.

Но всё равно стало почему-то грустно.

Аланна и Кэйти уже готовились ко сну, следуя режиму дня, а я так рано ложиться не привыкла.

Я уже собиралась что-нибудь почитать, чтобы скоротать время, но тут раздался стук в дверь, и на моём пороге появилась Энни.

— Хотите поглядеть танцы? — с заговорщицким видом осведомилась она, и, когда я кивнула, повела меня за собой.

Оказалось, что в особняке у прислуги имелся собственный наблюдательный пункт, из которого великолепно просматривался почти весь зал, в котором Милтоны устраивали танцевальные вечера. Прильнув к окошечку, я жадно разглядывала пёстрые наряды дам, их причёски и кавалеров. Сверху всё было отлично видно. Я нашла взглядом Лору Милтон и её супруга, Мередит Глау, облачённую в алый бархат, тяжёлый даже с виду. Доминик Винтергарден тоже был там, и к нему как раз подвели невысокую молодую блондинку в белом с голубым поясом платье барышни-дебютантки.

— Это леди Целестина Уэстон, — прошептала мне Энни. — Богатая наследница, единственная дочь своего отца. Очень выгодная партия. Уэстоны недавно переехали в соседнее поместье. За бесценок выкупили его у проигравшегося в карты прежнего хозяина.

— И всё-то ты знаешь, — заметила я, наблюдая за тем, как лорд Винтергарден, следуя этикету, целует руку юной леди. Почему-то смотреть на это было... неприятно. А ещё вдруг отчаянно захотелось оказаться там, в зале, где ярко горели десятки свечей, среди наряженных веселящихся людей.

— А как же иначе? — удивилась моим словам Энни. — Это ведь провинция, миз, слухи расходятся мгновенно. Тут, кстати, ещё один новый сосед недавно появился, ваш соотечественник.

Она сказала что-то ещё, но я прослушала, потому что музыканты как раз заиграли вальс, и брат леди Милтон пригласил так и стоящую неподалёку блондинку на танец. Та с готовностью согласилась, вложив свою ладонь в его, и они закружились по залу. Не остались в стороне и другие гости, да и хозяйева последовали их примеру. Может быть, лорд Милтон и не любил танцевать по молодости, но по крайней мере умел. И с женой они смотрелись очень гармонично.

Наверное, это и есть любовь...

— Готова съесть свою выходную шляпу, если это не то, что я думаю, — пробормотала рядом Энни.

— О чём ты? — спросила я.

— Лорд Винтергарден и леди Уэстон. Хозяйка явно задумала свести этих двоих, потому и устроила всю эту чехарду с гостями. И верно, ему давно пора жениться.

— Может, это просто совпадение, — отозвалась я, снова возвращаясь взглядом к Целестине и Доминику. Он — прямой и высокий — держался несколько отстранённо, но танцевал очень хорошо. Блондинка в его руках казалась совсем хрупкой и изящной, как дорогая фарфоровая статуэтка.

Меня ведь тоже учили танцевать. Я знала каждое движение, каждый жест. Пригодится ли мне это когда-нибудь?..

— Совпадение, как же, — усмехнулась собеседница. — Леди Милтон не так давно приглашала Уэстонов на чай. Познакомиться по-соседски. И всё выспрашивала, что да как. Даже размером приданого поинтересовалась.

— Подслушивать нехорошо, — заметила я.

— Да разве же я подслушивала? Просто приносила им то чай, то закуски, а они разговаривали между собой. На слуг, миз, никогда не обращают внимания, а у нас тоже есть ушки, и те на макушке! — засмеялась своей шутке Энни. — Целестине Уэстон восемнадцать только недавно исполнилось, барышня в самом расцвете. Хорошо воспитанная, здоровая, с деньгами — что ещё нужно для брака?

— Может быть... любовь?

— Любовь? Семьи, миз, вовсе не на любви энтой вашей держатся, — с умудрённым видом заявили мне. — Потому как любовью ни себя, ни детей не прокормишь, а вот супом — завсегда!

Я вздохнула. Наверное, она права. Но что-то во мне протестовало. Должно быть, не мне о таком судить — я никогда не жила в нужде, на мне не лежала ответственность за пропитание семьи, как на горничной Милтонов. Может быть, будь я на её месте, рассуждала бы так же.

— Но ведь лорд Винтергарден, как я понимаю, не бедствует, значит, ему ни к чему жениться лишь ради приданого, — сказала я.

— Ради приданого, может, и ни к чему, а наследники-то нужны! — припечатала Энни.

Глава 18

— Очень прагматично! — фыркнула я. Почему-то мысль о том, что рожать наследников Доминику Винтергардену будет эта белокурая барышня, мне совсем не понравилась. — Если бы он действительно хотел жениться, то уже давно вступил бы в брак! Ты ведь говорила, Целестина Уэстон — не первая, с кем его знакомит леди Милтон. Ведь так?

— Ну да, — согласилась Энни. — Но, может, лорд Винтергарден тогда жениться не хотел. А сейчас созрел.

Я поморщилась. Созрел он, как же. Непохоже. Чем ходить за мной по саду и подбирать за мной письма, встречался бы тогда лучше с потенциальными невестами! Вон их сколько!

Я сама не понимала, что меня злит в этой ситуации, это было странно и очень непривычно.

Мне весь совсем не о том следовало бы думать. Женится брат хозяйки поместья или нет — не моё дело. Что мне до этого надменного лорда?

И почему я до сих пор не ушла, а продолжала смотреть на него в окошко? Даже горничная уже отправилась выполнять свои обязанности, а я всё смотрела. Как он танцует, как беседует с гостями сестры и зятя, как целует руки барышням.

Смотрела, и мне вспоминалось его склонённое надо мной лицо, серьёзные внимательные глаза. Доминик Винтергарден ведь спас меня вчера. Отдал мне часть своей силы.

В том, что нынешним утром я чувствовала себя хорошо, лишь его заслуга.

Внезапно маг остановился на месте, точно прислушиваясь к чему-то, а затем вытащил из кармана какой-то предмет, посмотрел на него и, сказав что-то оказавшемуся поблизости лорду Милтону, вышел из зала.

Интересно. Куда он пошёл? И что это был за предмет?

Терзаемая любопытством, я покинула свой наблюдательный пункт и, спустившись в холл, успела застать там лорда Винтергардена, который направлялся к парадному выходу.

Услышав мои поспешные шаги, он обернулся.

— Вы уходите? — спросила я.

— Да, поступило сообщение, я срочно нужен на работе, — ответил он, смерив меня взглядом. — До свидания, миз Лоренц! Позаботьтесь о девочках и не прибегайте к магии до моего возвращения.

— Да, — кивнула я. — Но... вы поедете один... в темноте... верхом. Это не опасно?

— А вы что же, за меня беспокоитесь? — усмехнулся мужчина.

— Я просто... — вспыхнула я. Если я буду так часто краснеть, скоро в помидор превращусь. — Просто спросила.

— Не волнуйтесь за меня, миз Лоренц, я непременно вернусь. Возвращайтесь к себе. Доброй ночи!

— Доброй ночи, лорд Винтергарден...

Я проводила его взглядом и, лишь когда за ним закрылась дверь, развернулась к лестнице на второй этаж, намереваясь отправиться в свою комнату и лечь спать.

Но этому дню не суждено было закончиться столь мирно.

Я уже поднялась и свернула в то крыло, где находилась моя спальня. Меня действительно начинало клонить в сон. Даже мысль вернуться в то укромное место, которое мне показала Энни, и продолжить наблюдение за танцевальным залом больше не прельщало. Отчего-то после отъезда Доминика Винтергардена это утратило для меня всякий интерес. Но задумываться о причине такой перемены я не хотела.

Внезапно что-то изменилось. Меня будто толкнули в грудь. Я остановилась, не понимая, что происходит. Что за странная неизвестная сила вдруг повлекла меня в обратную сторону? Откуда она взялась?

Казалось, словно вот-вот произойдёт что-то страшное, и на то, чтобы это предотвратить, у меня совсем мало времени.

Развернувшись, я зашагала по полутёмному коридору. Меня будто что-то гнало вперёд. Тащило, как на аркане. Ведомая интуицией, я шла вперёд, всё ускоряя шаг. Почти бежала.

Но не успела.

Едва я коснулась ладонью двери в книжную комнату, как меня отбросило назад, и я ударилась о противоположную стену. Воздух стал сухим и горячим, точно в пустыне. В ушах противно зазвенело, а из носа закапала кровь, пятная алым воротник и манжеты платья, когда я поднесла руки к лицу.

Я не понимала, что произошло, но уже понимала — что-то страшное. Я опоздала, не предотвратила это. Слишком быстро всё случилось.

Опираясь о пол, неловко поднялась на ноги. Дверь книжной комнаты всё ещё оставалось закрытой, но теперь из-под неё пробивалось свечение, которое не могло быть просто светом свечей. Нет, это было что-то другое.

Открывать эту дверь, даже снова притрагиваться к её ручке не хотелось. Страшно. Но мне подумалось, что там есть кто-то, кому я ещё могу помочь, и я решительно потянула её на себя, ощутив под пальцами нагретый металл.

На первый взгляд, книжная комната выглядела такой же, как вчера, когда я встретила в ней со своими нанимателями. Неужели всего лишь вчера? Однако затем я заметила, что несколько книг, прежде стоявших на полках, рассыпались по полу, а металлические детали мебели были словно оплавлены.

Но хуже всего оказалось то, что на ковре возле фортепьяно лежали двое. Они не шевелились. И не дышали — в этом я убедилась, когда, преодолевая страх, подошла ближе и коснулась безжизненно повисшей руки Лоры Милтон, перекинутой через тело её супруга, точно в минуту опасности она пыталась обнять его. Кожа на запястье молодой женщины была холодной, под ней не бился пульс. Её сердце остановилось.

Я ничего не смыслила в целительской магии, но понимала — даже те, кто владел ею, не смогли бы никого поднять из мёртвых.

Глава 19

Это походило на кошмарный сон. Вязкий, бесконечный, в котором тонешь, как в болоте. Я даже ущипнула себя в надежде проснуться, но безуспешно.

Осмотрела комнату и наткнулась взглядом на источник того самого сияния. Оно исходило от рассыпанных по полу осколков чего-то непонятного. Нечто походило на стекло, но в то же время неуловимо отличалось. Если это стекло, то почему светится? Да ещё так ярко, что я заметила даже через дверь.

Постепенно свечение угасало. Стараясь не задеть эти пугающие осколки, я попятилась к выходу. Помочь лорду и леди Милтон я уже ничем не могла. Чувство опасности и страх, грозящий перерасти в панику, гнали меня прочь из книжной комнаты. Туда, где были живые люди.

На подкашивающихся ногах я вышла обратно в коридор. Дрожа и оглядываясь на каждом шагу, добралась до лестницы. По какой-то нелепой иронии судьбы первой, на кого я наткнулась, стала экономка миз Смит, которая недолюбливала меня с первой встречи, считая источником неприятностей.

— Что это с вами, миз Лоренц? — Её тонкие брови взметнулись вверх. — Вы что, пьяны?

— Там, в книжной комнате... — я слабо махнула рукой в ту сторону, откуда пришла, и начала оседать на пол, теряя сознание.

Когда открыла глаза, вынырнув из темноты, надо мной склонялось лицо Энни.

— Ах, миз Лоренц, миз Лоренц, горе-то какое! — безостановочно повторяла она. — Как жаль хозяев, а девочек! Что теперь с ними будет? Леди Глау порывалась разбудить их и рассказать, но лорд Винтергарден сказал, что будить не надо, а расскажет он сам... Даже прикрикнул на неё.

— Лорд Винтергарден? — переспросила я, слабо шевеля губами. Осознавать, что всё случившееся в книжной комнате на самом деле не было сном, оказалось невероятно тяжело — точно меня придавила каменная глыба. — Но он ведь уехал...

— Слугу послали вдогонку, и тот его вернул! Лорд сказал, что работа подождёт, и воротился. Был бы он тут, когда это случилось, глядишь, уберёг бы их... А с вами-то что произошло, миз Лоренц? Вы их нашли? А кровь откуда? Неужто на вас кто-то напал?

— Погоди... — поморщилась я. Её болтовня утомляла, не давала сосредоточиться. — Где я?

— Так в вашей комнате! Лакей вас принёс! Экая вы болезная барышня, миз, второй день подряд в обморок бухаетесь! — проворчала горничная. — Всё пропустили! Леди Глау уж так убивалась, я и не думала, что она так любит брата, но среди гостей был лекарь, и он накапал ей успокоительного, так что теперь она спит в своей комнате...

— А гости разъехались? — спросила я.

— Они бы рады были разъехаться, только лорд Винтергарден им не позволил!

— Потому что... подозревает?

— Наверняка! — закивала собеседница.

— Достаточно, об остальном я расскажу миз Лоренц сам, — проговорил, входя в комнату, Доминик Винтергарден. — И заодно расспрошу о том, что она видела. Можешь быть свободна, — бросил он Энни, и та, отпрянув от меня, попятилась к двери.

Я приподнялась на подушках и хотела встать на ноги, но мужчина тут же меня остановил:

— Лежите, миз Лоренц, вы ещё слабы.

Я послушалась, ощущая, что он прав. Я второй день подряд встречала его в постели после того, как лишилась сознания. Не хотелось бы, чтобы это стало традицией.

— Мои соболезнования, лорд Винтергарден, — пробормотала я неловко. Этот человек потерял сестру и зятя. А я... ничего не смогла сделать, чтобы предотвратить случившуюся с ними трагедию.

— Благодарю, миз, — отозвался он сухо. Сел в кресло, немного сгорбившись, но тут же выпрямил спину. Похоже, Доминик Винтергарден не привык никому показывать свою слабость. — Вы сможете мне рассказать, как так вышло, что вы первой явились в книжную комнату и обнаружили... их там? Что вы увидели и почувствовали?

— Да, — кивнула я и принялась рассказывать. Мне не пришлось напрягаться — всё произошедшее намертво впечаталось в мою память. И пережитые мною ощущения, пусть я и не могла их объяснить, и увиденное за дверью книжной комнаты.

Слушая мой рассказ, брат леди Милтон хмурился, время от времени потирал подбородок и не отводил взгляда от моего лица, словно хотел по нему прочесть, не вру ли я ему.

— С вами когда-нибудь прежде уже случалось такое? — осведомился он, когда я закончила говорить. — Схожее с недавним предчувствие, будто должно произойти что-то плохое? Было или это впервые?

— Не припоминаю, — я пожала плечами. — Может быть, когда-то давно, в детстве... Но едва ли.

— Значит, будем считать, что это первый раз.

— Меня не покидает мысль, что, если бы я пришла раньше, то могла бы помешать...

— Увы, но нет, миз Лоренц. Будь вы там рядом с ними, тоже погибли бы, — покачал головой собеседник. — Поэтому вам не нужно сокрушаться о том, что вы всё равно не смогли бы изменить.

— Вы уверены? — спросила я. Сердце забилось быстрее. А я-то боялась, что он будет на меня сердиться!

— Абсолютно.

— Но... что их убило? Эти светящиеся осколки... Откуда они взялись?

— Это всё, что осталось от разрыв-камня. Вам ведь известно, что это? Впрочем, откуда бы? Я и забыл, что вы не разбираетесь в академической магии. Разрыв-камень — очень опасный артефакт, придуманный когда-то с благими целями, но в итоге это обернулось против людей.

Глава 20

— Разрыв-камень? — перепросила я. — Что это? Никогда не слышала...

— Не удивлён, что не слышали. Несмотря на название, это скорее не камень, а вещество. Похожее на..

— Стекло, — догадалась я.

— Именно, — кивнул Доминик Винтергарден. — И точно так же, как из стекла, из этого вещества можно сделать предметы. Какие-нибудь безделушки, фигурки, которые на взгляд несведущего человека выглядят вполне невинно.

— Но вы сказали, что этот артефакт опасен! Откуда он... мог взяться в доме? Разве здесь есть ещё академические маги, кроме вас?

— Чтобы использовать разрыв-камень, необязательно быть магом, миз Лоренц. В этом и состоит его коварство. А что касается того, где его найти, так он, как и другие запрещённые вещи, продаётся на чёрном рынке.

Я растерянно нахмурила лоб. Мне хотелось услышать, что произошедшее с Милтонами было несчастным случаем, но, судя по словам лорда Винтергардена, это совсем не так, и тут замешан чей-то злой умысел. Но кто мог такое сотворить?..

— Что они делали в книжной комнате? — подумала я вслух.

— У моей сестры, — голос мужчины дрогнул, — с её супругом была одна привычка. Можно сказать, семейная традиция. Дело в том, что они познакомились в книжной комнате во время бала в столице.

— Я знаю! — выпалила я. Смутилась под его взглядом и пояснила: — Аланна мне рассказывала о том, как встретились её родители.

— Вот видите, миз Лоренц, даже вы, пробыв здесь так недолго, уже знаете эту историю. Что уж говорить о других? — вздохнул он. — С тех пор это стало для Лоры и её мужа обычным делом — в разгар танцев тайком ненадолго убегать в книжную комнату, как будто они всё ещё юные влюблённые, а не почтенная семейная пара с двумя детьми. Об этом известно в том числе и слугам, которые не нарушают уединение хозяев в такие моменты. Гости же не обижаются, принимая поведение этих двоих за милое чудачество.

Я вздрогнула. Милое чудачество, которое стоило им жизни. Кто-то, кто знал об этой традиции четы Милтонов, воспользовался этим.

— Миз Лоренц, я непременно выясню, каким образом предмет, изготовленный из разрыв-камня, оказался в книжной комнате. Он был заряжен на то, чтобы взорваться, когда рядом окажутся люди, и выпустить смертоносную магию, что и случилось. Поэтому вы и увидели лишь осколки. Вы ведь не трогали их? — Я покачала головой. — Правильно сделали. Что же касается вашего предчувствия, которое заставило вас пойти туда, то в этом феномене тоже следует разобраться.

— Что же теперь будет? — совершенно растерялась я. — Девочки... Они ещё слишком малы...

— Так и есть, миз Лоренц. Пока они не подросли, Аланне и Кэйти необходим опекун. А ещё им по-прежнему нужна гувернантка.

— Значит, вы хотите, чтобы я осталась? — задала вопрос я. По правде говоря, в мою голову уже начали забредать мысли о том, чтобы написать господину Ветцелю. Наверняка он смог бы подыскать для меня другое место.

— Да, — кивнул собеседник. — Кажется, вы с моими племянницами нашли общий язык. Только не нагружайте их учёбой в первые дни после... — помрачнел он. — Им нужно время прийти в себя и принять то, что случилось. Нам всем нужно.

— А кто станет их опекуном?

— Пока по закону возможных претендентов двое — самые близкие родственники из оставшихся в живых. Это я и Мередит... леди Глау. В любом случае, мне бы не хотелось — пока, во всяком случае — увозить девочек из поместья, чтобы им не пришлось резко сменить обстановку.

— Вы правы, — согласилась я.

— Ещё кое-что, миз Лоренц, — произнёс лорд Винтергарден, и его тон мне очень не понравился. Я

насторожилась. — Не хотелось бы пугать вас ещё больше, но вам сейчас нужно быть предельно осторожной.

— Почему? Ведь со мной... всё обошлось. Я не трогала эти осколки, правда!

— Верю, но вы были там в первые минуты после взрыва. А, когда он случился, коснулись двери, едва не вошли в неё. Ведь так?

— Да, — ответила я, кусая губы. — Но я уже почти хорошо себя чувствую. Чем я рискую сейчас?

— Таково действие разрыв-камня. Это очень опасная магия, которая, даже спустя некоторое время может повредить человеку, который окажется рядом. Вы соприкоснулись с ней и теперь отмечены смертью.

От его слов я содрогнулась. Они звучали так страшно, угрожающе. А мне-то казалось, что всё позади...

— Те, кто убивает с помощью разрыв-камня, никогда не находятся рядом с ним, когда тот действует. До взрыва он безопасен, если обращаться с ним с должной аккуратностью, — продолжал рассказывать Доминик Винтергарден. — Но в момент взрыва и сразу после разрыв-камень крайне опасен... Для того, чтобы оказавшийся поблизости человек очистился от следов губительной магии, должно пройти некоторое время, а пока вы будете притягивать к себе неприятности, несчастные случаи и людей с дурными помыслами, миз Лоренц. Поэтому вам и нужно вести себя со всей возможной осмотрительностью, понимаете?

— Время? Сколько? — От услышанного я вся похолодела, голова закружилась — казалось, точно пол и потолок в комнате поменялись местами.

— По-разному бывает. Недели две, месяц... Иногда даже больше, — нисколько не обрадовал меня мужчина. — Но вы маг, пусть и не академический. Благодаря этому ваше сопротивление, возможно, будет выше, и всё обойдётся без последствий.

— Но гарантировать этого вы не можете? — спросила я, прикрыв глаза и стараясь дышать глубже, чтобы окончательно не впасть в панику, хотя ощущала, что уже близка к этому.

— Увы, миз Лоренц. Я в ближайшее время улажу неотложные дела в столице и сосредоточусь на поисках преступника, так что мне придётся переехать в поместье. Я присмотрю за вами, однако неотлучно находиться подле вас не смогу.

— Вы... сами будете искать виновного? — уточнила я, открыв глаза.

— Я никому другому это дело не доверю. Все необходимые полномочия у меня есть. Вы удивлены? Вам ещё не успели доложить, кто я? Я глава Тайной канцелярии.

Глава 21

Сказать, что я была удивлена, ничего не сказать. Такого я никак не ожидала услышать. Знала, что Доминик Винтергарден маг, наверняка сильный, а потому отчего-то думала, что, возможно, он как-то связан с одной из академий магии в Элхорне. Оттого и заинтересовался моим даром природницы, что сам этим занимался. Вот только в своём предположении я ошиблась.

Похоже, я родилась под несчастливой звездой, потому что этот человек оказался тем, кто ни в коем случае не должен был знать о том, кто я на самом деле — во избежание лишних вопросов и нежелательных последствий. Меньше всего я хотела, чтобы меня каким-либо образом втягивали в международную политику. Очень жаль, что господин Ветцель заранее не навёл справки обо всех родственниках Милтонов, а разузнал только о них самих.

А теперь я и вовсе стану магнитом для неприятностей...

Я стала понимать, почему лорд Винтергарден не рассматривал меня как возможную убийцу моих нанимателей. Потому что, будь это действительно так, я не находилась бы рядом в тот момент, когда разрыв-камень взорвался. Настоящий преступник знал бы, что это представляет опасность и для него тоже, а вот мне это было доподлинно неизвестно.

Что же делать? Если я сейчас уеду, это будет выглядеть странно. Даже подозрительно. И в дороге куда больше вероятностей навлечь на себя беду, если теперь я, как мне только что сообщили, отмечена смертью. Да и девочек оставлять не хотелось — сердце у меня за них болело.

— Её полное название Канцелярия тайных и розыскных дел, — продолжал собеседник, не подозревая о моих душевных терзаниях. — Может, слышали? Хотя откуда бы, вы ведь иностранка.

— И всего лишь простая бедная гувернантка, — добавила я. Его надменность и звучащая в голосе снисходительность ничуть мне льстили, однако были мне на руку. Будет лучше, если он абсолютно ни в чём меня не заподозрит.

— Не такая уж простая, миз Лоренц, — отозвался мужчина, и я вздрогнула. — Я говорю о вашей магии. Но к этому вопросу мы ещё вернёмся, а пока оставлю вас. Отдыхайте и набирайтесь сил, они вам пригодятся. И не забудьте, о чём я вам говорил.

— И захотела бы, не забыла, — пробормотала я. — До свидания, лорд Винтергарден! И спасибо... — добавила негромко, но он услышал и, кивнув в ответ, вышел из комнаты.

Я вновь попыталась приподняться и обессиленно откинулась на подушки. Брат леди Милтон прав — я всё ещё слишком слаба. Знала бы матушка, с чем мне придётся здесь столкнуться, наверняка, презрев все свои суеверия, согласилась бы, чтобы я выдавала себя за вдову!

Но сейчас было уже поздно об этом думать. На то, чтобы сочинить новую легенду, потребовалось бы время. Да и вернуться домой я пока не могла. Возможно, мне действительно безопаснее оставаться в поместье в Элхорнской глубинке. Однако после того, что я узнала от мага, это вызывало глубокие сомнения.

Мысли путались, теснясь в голове, мешали заснуть, несмотря на усталость и позднее время. Спустя примерно полчаса я всё-таки заставила себя встать с постели, умылась прохладной водой, сменила испачканное платье на ночную рубашку. Глядя на пятна крови на ткани, подумала, что едва ли захочу снова его надеть. Меня передёргивало от одних воспоминаний о минувшем вечере. То предчувствие беды, всепоглощающий страх, нагретый металл дверной ручки...

Наверное, я действительно до конца жизни всего этого не забуду.

Мне вспомнилось беспокойство в глазах матушки и господина Ветцеля. Они боялись за меня. Но та опасность, что угрожала мне на родине, была далёкой, она не успела дотянуться до меня. А та, с которой я соприкоснулась в этом доме, оставила на мне свой след. Отметила.

Доминик Винтергарден сказал, что я не спасла бы Милтонов, если бы даже успела раньше. Может быть, он просто хотел меня этим успокоить? Ведь наверняка понимал, что меня тревожат угрызения совести.

Я всё-таки заснула, правда, уже под утро. А вскоре настало время просыпаться. Ко мне пришла Энни — принесла чёрный креп для того, чтобы обшить им шляпу.

— У вас же нет при себе траурного платья, так ведь, миз?

— Да, спасибо, — отозвалась я. Я действительно не могла подумать, что мне понадобится такого рода одежда. — Что там происходит? Девочки проснулись? Они... уже знают?

— Готовятся к похоронам, что же ещё? Леди Глау, как выпалась, так и взялась за дело вместе со своим муженьком, командует. Только подумаю, что они будут тут хозяевами, так дурно делается!

— Почему они? Хотя... да, — вспомнила я. Опекуном ведь может стать кто-то из ближайших родственников Аланны и Кэйти, а Мередит Глау — их тётя, сестра отца. Это и её родовое гнездо. Так что вполне вероятно, что место хозяйки в поместье в самом деле займёт она.

— Барышни уже не спят и всё узнали, бедняжки, — вздохнула, вытирая покрасневшие глаза уголком фартука, собеседница. — За день осиротели. Вот ведь как бывает... Я пойду, а вы спускайтесь на завтрак, миз! Дел невпроворот!

Я проводила её взглядом. Слезы Энни растрогали меня. Несмотря на некоторую грубоватость и временами неприятные мне суждения, горничная оказалась доброй и участливой девушкой. А её нежелание работать на леди Глау я вполне могла понять и разделить. Едва ли эта преисполненная гордыни особа вообще кому-нибудь в особняке нравилась.

И как только лорд Винтергарден мог встречаться с ней?..

Глава 22

В день похорон шёл дождь. Наверное, это звучит чересчур по-книжному, но природа будто плакала вместе с обитателями поместья. С теми, кто провожал в последний путь его хозяев.

Кладбище оказалось небольшим и старым. Энни сказала, что там хоронили всех Милтонов. Аккуратные могилы, каменные надгробия, некоторые из которых украшали с большим мастерством изготовленные статуи, навеки безмолвно застывшие над останками тех, чей покой они охраняли.

Людей пришло много. Большинство из них были мне незнакомы. Я в тёмном, самом строгом из взятых с собой платьев и обшитой чёрным крепом шляпе стояла рядом с девочками. Обе с ног до головы были одеты в чёрное. Обе почти всё время молчали — мне даже не верилось, что совсем недавно Аланна была разговорчивой, а малышка Кэйти беззаботно смеялась, играя в саду.

Мой взгляд нашёл высокую фигуру Доминика Винтергардена. Он стоял неподалёку от нас, но выглядел полностью погружённым в себя, ничего и никого вокруг не замечая. Однако мне казалось, что это только видимость — на самом деле этот человек внимательно наблюдал за окружающими. Ведь ему совершенно точно было известно, что его сестру и зятя убили. А виновник мог сейчас находиться прямо здесь, среди искренне скорбящих людей!

Я много думала об этом и не могла понять, кому помешали мои наниматели. Если всё дело в деньгах и в поместье, тогда их убийца кто-то из родственников. А это только лорд Винтергарден и леди Глау с супругом, больше у Милтонов родни не было.

Я взглянула на Мередит Глау. Облачённая в траурный наряд и шляпу с густой чёрной вуалью, она стояла, опираясь на руку мужа. Он хмуро смотрел в сторону, поджав губы.

Оба довольно неприятные люди, но могли ли эти двое оказаться хладнокровными убийцами?..

А Доминик Винтергарден? Он уехал из особняка до того, как произошёл взрыв, но это вполне могло оказаться предлогом для того, чтобы снять с себя подозрения. Он маг, и, несомненно, у него имелись возможности достать запрещённый артефакт.

Но мне очень не хотелось верить в его виновность. Я же видела его в ту ночь, когда лорд Винтергарден пришёл в мою комнату побеседовать со мной. Его боль была неподдельной, он действительно страдал, потеряв близких!

Целестина Уэстон с отцом тоже была на похоронах. Её изящной фигурке и светлым локонам очень шло чёрное. Она подошла выразить свои соболезнования родным покойных, и её затаенная в кружевную перчатку рука коснулась ладони Доминика Винтергардена.

Мне тут же вспомнились слова Энни, когда мы с ней наблюдали за танцующими. Неужели он действительно женится на этой молодой леди? Целестина подходит ему — она молода, богата, благородного происхождения. А любовь... Нужна ли она кому-нибудь в этом мире, есть ли вообще или существует только на страницах романов?..

На зятянутые чёрной тканью гробы одна за другой падали белые лилии. Завораживающее зрелище, красивое какой-то жуткое красотой. Я тоже бросила два хрупких цветка, когда мне разрешили подойти. Мысленно обращаясь к тем, кого почти не успела узнать, благодаря за то, что они согласились взять меня на работу и дать приют в своём доме. Прося прощения за обман.

Я замечала обращённые в мою сторону взгляды, слышала шепотки: «Гувернантка! Та самая! Это она их нашла!» Хотелось как можно скорее укрыться от любопытных глаз. Но я не могла уйти, не дождавшись конца церемонии.

Неподалёку находилась могила старшего брата лорда Милтона, к которой похоронная процессия тоже ненадолго подошла выразить почтение. Этого человека не стало ещё до рождения Аланны, которая совсем не знала своего дядю по отцовской линии. «Эдриан Милтон» — так его звали.

Молодой человек, которого готовили в наследники, но, увы, ему не суждено было стать хозяином поместья, а его младший брат пробыл им не так уж долго.

До чего же несправедливой бывает судьба!

Покидая кладбище, я заметила ещё одну могилу, на самой окраине. В отличие от большинства других она выглядела неухоженной и этим привлекла моё внимание. Надгробие тоже было скромным. «Джеральдина Ричмонд, — гласили выбитые на нём буквы. — Покойся с миром, которого не обрела при жизни».

Судя по датам, та, что лежала под этим камнем, прожила совсем мало. Всего-то девятнадцать лет. Кроме того, она умерла в один год с Эдрианом Милтоном, но я не могла быть уверена, означало ли

это что-нибудь или было всего лишь совпадением.

Особняк снова наполнился гостями, но это была уже не та весёлая толпа, что приезжала на танцевальный вечер. После похорон для них устроили поминальный обед. Я на нём, разумеется, не присутствовала. Мы с девочками поднялись наверх, и я, усадив обеих у камина, решила почитать им художественную книгу. Одну из тех, что стояли в книжном шкафу в ученической.

— Не слишком ли мы взрослые, чтобы читать нам вслух? — тихо проговорила Аланна.

— Ничего подобного, — отозвалась я. — Все любят чтение вслух. Даже я бы не отказалась.

— Тогда мы можем читать по очереди.

— В другой раз, а пока позвольте мне. Это очень интересная история. О храбрых людях, приключениях и поисках сокровищ, которые пираты зарыли на острове в океане, — сказала я, ласково погладив тиснёный серебром переплёт. У меня была такая же книга, но осталась дома. Сейчас, когда взяла небольшой томик в руки, мне показалось, точно я встретила старого друга, с которым давно не виделась.

— Это дядя Доминик нам подарил, — произнесла Кэйти и снова замолчала.

— Вам что-нибудь известно, миз Лоренц? Кто станет нашим опекуном? Дядя Доминик или тётя Мередит? — спросила Аланна.

— Пока я ничего не знаю, — ответила ей со вздохом. — Должно быть, это непростой вопрос. Его так скоро не разрешишь.

— Надеюсь, нам не придётся уезжать из поместья, — заметила она и быстро отвернулась, пряча слёзы. Губы девочки дрогнули. Мне захотелось протянуть к ней руки, обнять, но я не решилась.

В эту минуту я остро как никогда ощущала себя лгуньей. Ведь мои воспитанницы думали, что я тоже круглая сирота, как и они теперь. А это вовсе не так.

Глава 23

Со дня похорон Милтонов прошло несколько дней. В особняке снова стало почти безлюдно — Доминик Винтергарден уехал в столицу, как и Реджинальд Глау. А вот его жена осталась и всю третиговала слуг, наводя в доме свои порядки. До меня она пока не добралась, но я не сомневалась, что это дело времени. Не такой у этой особы характер, чтобы оставить хоть что-нибудь без внимания.

Выполняя обещание, данное их дяде, я старалась не нагружать своих воспитанниц уроками. Вместо этого я следила за тем, чтобы они хорошо питались, несмотря на полное отсутствие аппетита, и, пользуясь погожими осенними днями, проводили как можно больше времени на свежем воздухе. Вот и сейчас мы с ними вышли на прогулку в сад и как-то незаметно дошли до самой границы с лесом.

К сожалению, вопрос об опекунстве ещё не был решён. Никто в поместье пока не знал, чего ожидать. Будет ли это лорд Винтергарден или леди Глау с мужем? Своих детей у супругов не было, но и особой привязанности между девочками и их тёткой я не замечала, хотя едва ли это имеет какое-то значение. Такими делами, как меня уже просветили, занимается Королевский суд, а там главенствуют отнюдь не эмоции.

В Элхорне была другая вера, здесь поклонялись Единому, однако большинство жителей страны вспоминали о религии лишь когда того требовали обстоятельства, например, свадьба или похороны. Я всей душой надеялась, что, где бы ни оказались Милтоны, в садах Предвечных или там, куда попадали умершие по Элхорнским верованиям, их души обретут покой. И что сверху они будут присматривать за дочерьми, которые так в них нуждались.

Я несколько раз вспоминала о могилах, которые попались мне на кладбище. Эдриан и Джеральдина. Такие молодые! Да ещё и умерли в один год. Наверняка они были знакомы или даже... Тут моя фантазия уводила меня к историям о юных влюблённых, которые мне доводилось читать, и я говорила себе, что чересчур дала волю воображению. Однако всё же решила порасспросить местных жителей об обстоятельствах гибели молодого наследника поместья и о том, кем была миз — или леди — Ричмонд.

Первым делом я задала вопрос Энни, но, увы, та ничего не знала. Сама в те времена была ребёнком и ещё не работала здесь. Тогда я нанесла визит поварихе тётушке Берте, которая уже давно служила в особняке, и как бы невзначай принялась задавать ей вопросы.

Женщина любила поговорить и тут же ударилась в воспоминания.

— Джерри Ричмонд? Её так все называли. Джерри, как паренька, — сказала она.

— Вы хорошо её знали?

— Как же не знать? Джерри приходилась дочкой тогдашнему управляющему поместьем, и жили они тут же, в домике для прислуги. Джеральдина была бунтаркой. Настоящая сорви-голова. Да и чего ещё можно ожидать при таком-то воспитании? Матери-то у неё не стало рано, а отец растил её как мальчишку. Вот она такой и стала.

Вот оно что! Дочь управляющего! Разумеется, они с Эдрианом Милтоном были знакомы.

— Я ведь тоже вдова, — добавила собеседница. — Вот и подумывала, а не связать ли нам с Ричмондом наши судьбы. Но он был верен покойной жене, мир её праху. Жил только ради дочери. А, когда и той не стало, он больше не мог здесь оставаться, уехал...

— Что же с ней случилось? — с замиранием сердца спросила я.

— Экая вы любопытная, миз! — услышала я вместо ответа. — Лучше эту старую историю не ворошить, вот что я вам скажу. Ни к чему оно.

Как я ни старалась, как ни улещивала и ни упрашивала кухарку, та больше ни словечка мне не сказала.

Сейчас, гуляя с девочками, я размышляла над тем, кого бы ещё поспрашивать о делах минувших дней, которые непонятно отчего так меня взволновали, и настолько погрузилась в свои мысли, что не заметила, как мы вошли в лес, который я обычно обходила стороной. Аланна и Кэйти играли в мяч, перекидывая его друг другу. Непохоже было, чтобы эта забава доставляла им удовольствие, но я желала хотя бы немного их расшевелить, поэтому и настояла на том, чтобы они захватили с собой на прогулку мячик.

Но в ту минуту, когда Кэйти не поймала его, и он, отскочив от дерева, улетел куда-то в лесную

чашу, пожалела об этом.

— Мне принести его, миз Лоренц? — спросила Аланна.

— Нет, я сама, — отозвалась я. — Возьми сестру, и возвращайтесь обратно в сад. Оставляю её на тебя! — добавила, стараясь, чтобы голос звучал построже.

Барышни послушно развернулись в обратном направлении, а я шагнула вперёд, успокаивая себя тем, что вовсе не должна бояться леса. Дом совсем рядом, недалеко работают садовники, да и светло ещё, хоть и вечереет. Я намеревалась быстро схватить мяч и вернуться к девочкам, но, похоже, тот отлетел дальше, чем мне казалось.

Тропинка терялась в траве, которая пышным зелёным ковром стелилась под ноги, свет клонящегося к закату солнца проникал сквозь густые кроны, а мячик мне на глаза так и не попался. Я уже решила махнуть на него рукой и идти обратно, пока не заблудилась окончательно, но тут за спиной послышался какой-то шум. А затем меня вдруг грубо схватили за воротник платья и дёрнули назад, да с такой силой, что я не удержалась на ногах. Не успела закричать — чья-то мозолистая рука зажала мне рот. Я в панике замахала руками и ногами, желая освободиться и не веря до конца, что это действительно происходит со мной.

Глава 24

Я сопротивлялась как могла, но уже понимала, что силы не равны. Нападающих оказалось двое, и оба крупные сильные мужчины, одетые в какие-то засаленные лохмотья. Я слышала, как они говорили между собой:

— А цыпочка-то резвая! И какая сладенькая... Мёд, как есть мёд!

— Ты не больно-то губы раскатывай, я тоже хочу этого медка попробовать...

От этих скабрёзных слов, отвратительных прикосновений заскорузлых рук, которые удерживали мои запястья и лодыжки, становилось ещё страшнее. Паника росла. А в ушах звучал голос Доминика Винтергардена, который говорил о том, что после разрыв-камня я начну притягивать к себе людей с дурными помыслами.

Вот и притянула.

За прошедшее после убийства Милтонов время ничего страшного не случилось, разве что я опрокинула себе на подол чашку не слишком горячего чая да споткнулась пару раз. Это были мелкие неприятности, и я позволила себе немного расслабиться. А напрасно.

Но что эти негодяи делали в лесу прямо возле сада? Что если они планировали ограбить дом? А там и мужчин-то сейчас нет, кроме работников...

Ощувив, как грубая мужская рука бесцеремонно полезла мне под юбку, я снова забилась, как пойманная в сеть рыба, и потянулась к дару. Да, лорд Винтергарден действительно просил меня не прибегать к магии до его возвращения, но сейчас не та ситуация, чтобы слушаться его запретов. Если я ничего не сделаю, мне несдобровать.

Природа не сразу, но откликнулась на мой отчаянный зов. Зашелестел в кронах деревьев ветер, усиливаясь с каждой минутой. Затрещали ветви. По траве точно сквозняк пробежал. Смолкли птицы, а затем наоборот закричали истошно, поднимая шум.

— Что происходит? — забеспокоился один из разбойников.

— Вспугнуло их что-то. Погода портится. Оттого, наверное, и развопились.

— А если охотник какой идёт?

— Да кто в такое время станет охотиться? Богачи на охоту с утра ездят, а вечером брюхо набивают. И всё за счёт бедняков.

— Не нравится мне это, надо было нам поскорее ноги уносить.

— Чего на меня-то валить? Сам же захотел с девчонкой позабавиться и остановился. А теперь, ха-ха, птички его напугали, смотри, как бы на башку не нагадили!

— А это ещё что такое?

С усилием повернув голову, я заметила, что земля под ногами одного из моих обидчиков вздыбилась и пошла волнами. А затем из неё хлынули целые полчища муравьёв, которые набросились на мужчин. Меня насекомые при этом не трогали.

Очень скоро этим двоим стало не до меня. На все лады ругаясь и ойкая, они отбивались от юрких муравьишек, которые в таком количестве были отнюдь не безобидны. Почувствовав, что меня наконец-то больше никто не удерживает, я вскочила на ноги и бросилась бежать куда глаза глядят.

Резко остановилась, наткнувшись на внезапно появившегося передо мной человека, едва не свалив его с ног.

Я испуганно взвизгнула и отшатнулась, незнакомец сдавленно выругался, потирая ушибленный лоб. Услышав родной язык, я изумлённо уставилась на мужчину. Тот, в свою очередь, с любопытством смотрел на меня.

— Вы не элхорнец! — заявила я.

— Сознаюсь, я действительно не элхорнец, — отозвался тот смущённо. — Позвольте представиться, Клаус Майер, к вашим услугам. А вы... с вами всё в порядке?

Я оглядела себя — помятое платье, всё в траве и земле. Обернулась и ткнула дрожащим пальцем в ту сторону, откуда прибежала. Замялась, не зная, как сказать, что со мной приключилось, но,

кажется, молодой человек всё понял и сам, без моих объяснений.

— Вы столкнулись с какими-то опасными людьми, миз? — Я кивнула. — И они ещё там? — Ещё один кивок. — Тогда надо срочно задержать их, пока не скрылись!

— Думаю, будет лучше, если вы сообщите о них служителям правопорядка. Пусть разберутся сами, по закону. Всё же их двое, а вы один...

— Вы во мне сомневаетесь? — Кажется, мои слова пришлись ему не по душе. — Думаете, одному мне с ними не справиться?

— Что вы, вовсе нет! — не желая обижать нового знакомого, произнесла я. Похоже, господин Майер — тот самый новый сосед, о котором говорила Энни. Мой соотечественник.

Что стало очевидно и ему, стоило мне назвать себя.

— Очень приятно познакомиться, госпожа Лоренц! Вы уверены, что... Они ничего плохого вам не сделали?

Я покачала головой. Запоздалое осознание того, какой беды я избежала, приходило постепенно, заставляя передёргиваться от одних лишь воспоминаний о том, как по моему телу шарили омерзительные шершавые руки. «Надеюсь, муравьи их как следует покусали, за все места!» — мстительно подумала я и с подозрением посмотрела на Клауса Майера, который выглядел на первый взгляд вполне безобидно. С виду лет двадцати пяти, высокий, но ниже Доминика Винтергардена, песочного цвета волосы немного взъерошены, голубые глаза. Одет вполне прилично и даже со вкусом.

— А вы что делали в лесу?

— Я каждый вечер здесь гуляю, — пожав плечами, ответил он. — С тех пор, как приехал. Наблюдаю за птицами.

— Вы охотник? — нахмурилась я.

— Нет, я просто их изучаю, зарисовываю. Вот, взгляните! Освещение уже не очень, но мой блокнот всегда при мне.

У него в кармане действительно оказался блокнот с весьма неплохими рисунками, изображавшими лесных птиц.

— Сегодня они как-то странно себя ведут, — бросил взгляд на небо господин Майер. — Громко кричат, переполошились. Вы не заметили, почему?

— Н... нет, — пробормотала я, решив не рассказывать, что это моя магия так повлияла на птиц. Главное, чтобы сильного отката, как в прошлый раз, не случилось. Сегодня ведь лорда Винтергардена рядом не окажется.

— Любопытно, — вертя в пальцах карандаш, проговорил собеседник. — Вы ведь где-то поблизости живёте? Проводить вас домой?

— Буду очень благодарна, — согласилась я, и лицо молодого человека озарилось мальчишеской улыбкой.

Глава 25

К счастью, с девочками всё оказалось в порядке. Они ждали меня в саду. Стоило нам с господином Майером появиться, как обе тут же бросились навстречу.

— Миз Лоренц, миз Лоренц, а мы вас уже потеряли! — воскликнула Аланна. Она держала сестру за руку, как я ей и наказала. — Что с вами случилось?

— Ничего страшного, просто споткнулась и упала! — на ходу сочинила я оправдание своему внешнему виду. — И мяч не нашла. Вот такая я неуклюжая.

— Я же сказала, что надо было мне за мячиком пойти!

— Нет! — вздрогнула я. — Ни в коем случае! Вы больше не будете ходить в лес, ни со мной, ни без меня, я запрещаю!

— Но почему, миз Лоренц? Мы ведь и до вашего приезда туда ходили. И не заблудились ни разу!

— Там... может быть опасно.

— А вы кто? — осведомилась у моего спутника старшая дочь Милтонов.

Клаус Майер представился, отвесил несколько шуточных комплиментов, показал свой блокнот с изображениями птиц и в считанные минуты очаровал обеих девочек так, что я даже слегка приревновала. Но тут же укорила себя за это. Моим воспитанницам и так нелегко после гибели родителей, новые знакомства и впечатления для того, чтобы хоть немного отвлечься, им не помешают.

Впрочем, беседа с новым знакомцем надолго не затянулась — мы и так уже задержались на прогулке. Сейчас, когда не стало Милтонов-старших, контролировать режим Аланны и Кэйти было некому, но я всё равно старалась его соблюдать, за некоторыми исключениями. Когда мы с девочками собрались идти в дом, Клаус Майер остановил меня:

— Мы ещё увидимся с вами, госпожа Лоренц? Я могу навестить вас? Или...

— Боюсь, если вы нанесёте мне визит, это будет неприлично, — замялась я. Его слова прозвучали весьма неожиданно, я не ожидала, что любитель птиц, проводив меня, захочет продолжить знакомство. — К тому же, мы сейчас в трауре, так что нам нельзя принимать гостей.

— Вы можете подойти сюда, когда мы будем гулять в следующий раз, — проговорила, отвечая на его вопрос, Аланна.

— С превеликим удовольствием, — поклонился господин Майер, и мы разошлись в разные стороны.

— Вы ему понравились, — заметила она, когда сосед уже не мог нас слышать. — Я уверена! А он вам, миз Лоренц?

Я пожала плечами, не зная, что ответить. Понравился ли мне этот молодой человек? Пожалуй, да, он оказался довольно приятным. Такой вежливый, с открытой улыбкой и чувством юмора. А ещё Клаус из столицы и никогда не был в моём родном городе, так что совершенно точно не мог узнать меня, раньше мы не встречались.

Так он что же, пытается за мной ухаживать?..

Спустя некоторое время, когда барышни уже поужинали и готовились ко сну, а я успела наскоро вымыться, чтобы стереть с себя чужие гадкие прикосновения, и переодеться, появилась Энни.

— Леди Глау вызывает вас к себе.

Я нахмурилась. Что ей нужно? Этот тяжёлый день не мог закончиться легко!

Сестра лорда Милтона ждала меня в малой гостиной особняка. Даже одетая в бархатное чёрное платье и с уложенными в строгий пучок волосами она была поразительно хороша собой. А взгляд — острый, как швейная игла, холодный.

— Вы хотели со мной поговорить? — осведомилась я, войдя в комнату.

— Присаживайтесь! — кивнула на стул напротив кресла, на котором сидела она, Мередит Глау. Тон её голоса не сулил ничего хорошего. Неужели ей стало известно о том, что я оставляла девочек одних в саду?..

— Слушаю вас.

— В скором времени нам больше не понадобятся ваши услуги, миз.

— Но... почему? — растерялась я, никак не ожидая этого услышать.

— Когда я стану законным опекуном племянниц, я незамедлительно определю обеих в частную школу-пансион.

— Пансион?

Она говорила об этом уверенно, как о решённом факте.

— Именно. Я тоже её оканчивала, о чём ничуть не жалею. Такова традиция нашей семьи. Мой брат хотел отойти от неё, но он был слишком мягок. Я же считаю, что это гораздо лучше, чем домашнее обучение с гувернанткой.

— Но лорд Винтергарден сказал, что я должна оставаться в доме...

— Лорд Винтергарден сказал? — хмыкнула молодая женщина. — Милочка, едва ли опекуном назначат его! Одинокый мужчина, вечно занятый на работе... Уверена, что Королевский суд будет на моей стороне — как замужней дамы, которая сможет дать сиротам настоящую семью и заменит мать. В этом случае у Доминика не будет права голоса в воспитании девочек, так что не ему решать, уехать вам или остаться.

— Как же вы дадите им семью и материнскую любовь, если собираетесь отправить их в школу? Аланне и Кэйти и без того несладко приходится, они ведь потеряли сразу обоих родителей. Разве можно в такое время отсылать их из родного дома туда, где всё вокруг будет чужое?

— Не ваше дело! — рассерженно выпалила собеседница. — И где только учат подобной дерзости? На месте Лоры я бы давно настояла на пансионе вместо того, чтобы нанимать на работу кого-то вроде вас. Но брат и жену нашёл себе под стать. Такую же мягкотелую. А во что они превратили поместье? Едва не разорили его подчистую, а ведь теперь...

— Что? — спросила я, когда она вдруг осеклась, видимо, осознав, что наговорила лишнего.

— Ничего. Вы свободны. Напишите тем, кто вас сюда устроил, чтобы подыскивали вам другое место, — безапелляционно заявила мне леди Глау и махнула рукой, точно отгоняя назойливую муху.

Возвращаясь обратно в свою комнату, я закипала от гнева подобно чайнику на огне. Хуже всего оказалось то, что я даже не могла по-настоящему возразить этой зарвавшейся особе. Ведь, как мне и сказал в своём напутствии господин Ветцель, в этом доме я была никем.

Глава 26

Наступил новый день, следом ещё один, за ним следующий, но я так и не решилась передать своим подопечным слова их тётушки. Наверняка она сама собиралась поставить племянниц в известность о своих планах на их счёт. А мне оставалось только надеяться на то, что Мередит Глау, которая совершенно не интересовалась девочками, не станет законным опекуном Аланны и Кэйти.

Ведь оставался же шанс, что Королевский суд выберет не её, а Доминика Винтергардена...

Я не думала, что буду так сильно ждать его возвращения. С нетерпением, с надеждой. То и дело бросала взгляды в окна — не покажется ли там всадник на вороном коне?

Но его всё не было, и моё сердце сжималось от беспокойства.

Зато Клаус Майер про меня не забыл. Несколько дней спустя он, появившись из леса, застал нас с девочками на прогулке. Обменявшись с ними приветствиями и дав посмотреть свой блокнот, чем они тут же и занялись, сидя в беседке, молодой человек отозвал меня в сторонку.

— Нашли людей, которые напали на вас, — сообщил он, говоря негромко, чтобы не услышали Аланна и Кэйти.

— Вот как! — воскликнула я и тут же испуганно прижала ладонь ко рту. Оглянулась на беседку, но девочки были слишком поглощены рисунками в блокноте, чтобы обращать внимание на нашу беседу. — И... кто они?

— Это оказались беглые каторжники. Их поймали и вернули обратно, теперь выпустят нескоро. Надо сказать, прогулка по лесу им на пользу не пошла, оба с ног до головы искуваны дикими муравьями, да ещё и несли какую-то чушь о том, что насекомые сами ни с того ни с сего на них набросились!

Я опустила взгляд, но вопросов, не причастна ли я к этому, собеседник задавать не стал, да и как он мог бы догадаться?

— Рада, что им не удалось скрыться. Но вы... рассказали обо мне? В Службе правопорядка знают, что эти люди...

— Нет, госпожа Лоренц. Я решил, что вам будет неприятно оказаться замешанной в таком деле, а если б ещё и ваши работодатели узнали, могла бы выйти и вовсе некрасивая история. Поэтому и промолчал о вас, сказал, будто сам видел их в лесу.

— Вы совершенно правильно сделали, господин Майер, спасибо! — горячо поблагодарила я молодого человека, и тот снова широко заулыбался.

— Рад, что сумел быть полезным! Пусть это будет нашим секретом.

— Верно, — согласилась я.

Мы с ним ещё немного поговорили о разных вещах, больше не касаясь случившегося в лесу, Клаус поделился со мной и девочками интересными фактами о птицах, а после, взяв с нас слово непременно встретиться вновь, отправился к себе.

Когда мы вернулись в особняк, нас ждала новость — леди Глау уволила экономку.

Об этом мне сообщила Энни. Горничную буквально переполняли эмоции, казалось, если не расскажет всё немедленно, то попросту лопнет. Услышав её слова, я в изумлении округлила глаза.

— Из-за чего?

— Вы ведь и без меня знаете, как лорд и леди разбаловали эту гримзу! Миз Смит то, миз Смит сё, вот миз Смит и возомнила себя главной в доме! Но, как говорится, два соловья на одной ветке не поют, вот леди Глау и прищемила ей хвост!

— Но куда же она теперь пойдёт?

— Да полноте, миз, вам ли о том печалиться! У гримзы опыта хватает, устроится прислугой в какой-нибудь другой дом. Вы лучше подумайте, куда сами пойдёте, когда леди и вам на дверь укажет!

— Ты подслушивала тот наш разговор?

— Так, постояла маленько под дверью, — хмыкнула Энни. — Да тут и удивляться нечему! Я и прежде не раз слыхала, как она говорила лорду Милтону, что барышень надобно отправить в школу,

а он всё не соглашался, жалел их. Ах, добрые наши господа... Знали бы они, что здесь теперь творится!

— Но по какому праву леди Глау распоряжается в доме ещё до решения суда об опекунстве?

— Да ведь не только в этом дело! Она же одна осталась из всей семьи Милтонов! Родителей не стало, братьев тоже, зато у неё есть муж и может родиться сын...

— Сын? — не поняла я, к чему клонит собеседница.

— Ну да! И он-то и станет здесь хозяином! Получит поместье!

— А как же Аланна и Кэйти?

— Так ведь они же девочки, миз! Конечно, они ни в чём не нуждаются, и у них будет хорошее приданое, как и положено! Но наследование передаётся только по мужской линии, так-то! Будь у хозяев не две дочки, а сынок, само собой, всё отошло бы ему. Но, раз он так и не родился, а старший брат нашего лорда Милтона и вовсе скончался бездетным и даже неженатым, то следующий кандидат — сын их сестры, которому можно будет дать двойную фамилию!

— Вот как... — задумчиво протянула я. Не догадывалась, что всё так сложно. — Но ведь это же не означает, что опекуном непременно станет она? Лорд Винтергарден тоже девочкам не чужой! Королевский суд может выбрать и его!

— Может, конечно, но всё ж таки леди Глау женщина и замужняя, — подтвердила мои опасения горничная, и я тяжело вздохнула.

Если Мередит Глау хладнокровно выгнала из дома экономку, которая прослужила тут много лет, меня и вовсе не пожалееет.

Глава 27

Как я ни старалась удержать своих воспитанниц в неведении о намерениях леди Глау, им всё равно стало известно об этом из пересудов слуг, которые не слишком-то заботились о том, чтобы их не услышали девочки. Аланна и Кэйти вбежали в ученическую, рассерженные и взволнованные. Увидев их такими, я сразу поняла — то, чего я боялась, случилось.

— Это правда? — топнула ногой, обутой в бархатную туфельку, старшая барышня Милтон.

— О чём ты? — отозвалась я, стараясь казаться спокойной.

— Вы знаете, миз Лоренц! Тётя Мередит действительно хочет отправить нас в школу? Я уже не ребёнок и имею право знать! — выпалила она.

— Да, — со вздохом ответила я. — Но это случится лишь в том случае, если леди Глау получит опеку над вами. А пока она не вправе решать вашу судьбу.

— Тётя Мередит не любит нас, — сказала Кэйти, и её красивые, как были у матери, глаза наполнились слезами. — Почему она нас так не любит, миз Лоренц? Что мы ей плохого сделали?

От её недетского и в то же время полного искренности отчаяния у меня разрывалось сердце. Я притянула к себе девочку и неловко обняла её. Она в ответ, всхлипывая, обвила мою шею руками.

Аланна не плакала. Сдерживалась, считая себя взрослой. Но и её губы подрагивали, когда она спросила:

— Значит, мы скоро отсюда уедем?

— Если опекуном станет ваш дядя Доминик, он не отошлёт вас из дома.

— Но дядя Доминик не сможет жить здесь с нами, он ведь работает в столице. Значит, мы переедем в его городской особняк? И вы вместе с нами, миз?

— Давайте дождёмся его приезда, тогда и посмотрим, что он скажет, — проговорила я, поглаживая шелковистые волосы малышки Кэйти. — Пока ещё ничего не ясно. Мы должны надеяться на лучшее.

— Но тётя Мередит уволила экономку. Она может и вас тоже уволить. А мы к вам уже привязались...

— Я тоже! — откликнулась я, ничуть не покривив душой. Никогда прежде не подозревала в себе такой любви к детям. Но эти девочки, такие светлые, открытые в своём простодушии что-то затронули во мне.

Только человек с ледяным сердцем мог не полюбить их. Должно быть, в груди Мередит Глау именно такое. Ледышка, а не живое бьющееся сердце!

В тот же вечер, растревоженная этой беседой, я снова попыталась разговорить кухарку. Спустившись в кухню, застала её за перебиранием крупы для завтрашнего завтрака и предложила свою помощь. Она округлила глаза.

— Да неужто вы умеете это делать, миз? С вашими-то беленькими ручками! Небось и не готовили никогда в жизни!

— Вот вы меня и научите, — произнесла я, обратившись к ней уважительно, как к старшей.

— А вы ещё та лиса! — хмыкнула женщина. — Недаром рыжая! Опять выспрашивать будете?

— Я тут нашла одно старое письмо, не знаете, чьё оно? — поинтересовалась я, показывая ей то самое любовное послание, которое Доминик Винтергарден ошибочно принял за моё.

— И чего вы мне эту бумажку суёте, миз? Я и читать-то не умею! Как вы готовить! — припечатала собеседница.

— Но Джеральдина Ричмонд наверняка умела и читать, и писать! А значит, она могла написать это письмо! Вот что!

— И почему вам так не даёт покоя эта история? — нахмурилась тётушка Берта.

Я пожала плечами. Со всей определённостью ответить на этот вопрос у меня бы не вышло. Просто что-то мешало забыть и о письме, и о могилах на кладбище. Наверное, ощущение неразгаданной тайны. Или то, что всё это напоминало сюжеты романов, которые мне в родительском доме

запрещалось читать.

Сорви-голова Джерри, всего лишь дочь управляющего, и старший сын в семье лордов, будущий наследник. Могли ли они полюбить друг друга? И почему эта история закончилась так трагически? Хотя разве могло быть иначе... Ведь, останься Эдриан Милтон в живых, его наверняка бы женили на куда более подходящей ему девушке-аристократке, а Джеральдина...

— Вы видели миз Ричмонд мёртвой? — спросила я.

— Нет. Она навещала одну женщину в деревне, дальнюю родственницу, хотела остаться у неё на пару дней. В ту ночь вспыхнул пожар, и домишко выгорел дотла.

Я ахнула.

— Но могила...

— Там кости их обеих, разве смогли бы разобраться, где чьи? Ещё обрывки одежды, которые нашли на пожарище. Оплавленный медальон Джеральдины, она его очень любила и никогда не снимала...

— Так вы думаете, нет никакой надежды, что миз Ричмонд жива?

— Была б она жива, разве оставила бы одинокого отца? Сбежала бы? Разве что...

— Да говорите же! — сгорала от нетерпения я. — Хватит уже недомолвок! Если эта история действительно осталась в прошлом, кому она может навредить сейчас?

— Дети лордов Милтонов и Джерри выросли вместе. Средний-то всё больше книжки читал, он и взрослым таким же остался, мир его праху. А остальные двое с ней близко сдружились.

— Леди Глау дружила с дочерью того, кто работал на её родителей? — усомнилась я.

— Так больше особо не с кем было! Это сейчас здесь люди кругом, а в те времена ближайшие соседи и те далече жили. Вот и оставалось играть с детьми здешних работников. Но это продолжалось только до отъезда детей в школы, — ударились в воспоминания собеседница. — Когда они возвратились, всё изменилось.

— И Джеральдина Ричмонд тоже...

Прежняя девчонка-сорванец выросла и превратилась в красивую девушку. Друзья детства встретились и взглянули друг на друга иными глазами. Но к чему это могло привести?..

Глава 28

Мне хотелось задать кухарке ещё множество вопросов теперь, когда её история подошла к самому интересному, но дверь кухни распахнулась, и заглянула одна из горничных.

— Лорд Винтергарден приехал, ему бы чего поужинать! — уведомила она, и моей собеседнице тут же стало не до разговора о событиях минувших дней. Она поднялась с места и захлопотала, разогревая еду, а до меня запоздало дошли слова девушки. Лорд Винтергарден приехал, наконец-то!

Я выбежала в холл, придерживая юбки, и остановилась на месте. Не видя меня, мужчина стоял, отряхивая плащ от дождевых капель, а навстречу ему спускалась по лестнице Мередит Глау, такая красивая даже в тёмно-лиловом капоте, полы которого подметали ступеньки. С её покатых плеч свисала шаль, край которой почти коснулся пола, но леди ловко её подхватила, выглядя при этом очаровательно-беззащитной.

«Змея тоже умеет притворяться, чтобы поймать добычу», — подумала я, кусая губы. Вот ведь! Не успела поговорить с магом до её появления!

Я должна немедленно рассказать ему, что эта гадина намерена отослать девочек в школу-пансион, а они туда вовсе не хотят!

— Это ты, Доминик? А я уже готовилась ко сну... Ничего не случилось?

— Ваш муж шлёт вам привет, леди Глау, — ответил он холодно, и я возликовала.

— Ну же, к чему эти церемонии? Мы ведь тут одни. Слуги не в счёт! — махнула холёной рукой Мередит. Моего присутствия женщина, похоже, не замечала. Или я тоже не в счёт? — Но раз тебе так больше нравится... Ты ведь не откажешься составить мне компанию за бокалом вина в малой гостиной? — пригласила она его в комнату, которую явно выбрала чем-то вроде своей резиденции, откуда ей было удобнее распоряжаться делами в особняке.

— Я устал и голоден.

— Тогда вино тем более придётся очень кстати. Пойдём, мы ведь несколько дней не виделись! Я велю, чтобы ужин принесли туда.

— Простите, что вмешиваюсь, но мне тоже очень нужно поговорить с лордом Винтергарденом, — с неизвестно откуда взявшейся смелостью проговорила я, выступая из тени. Руки дрожали, но я упрямо выдержала брошенный в мою сторону полный ярости взгляд Мередит Глау. — Это касается ваших племянниц.

— Что ж, миз Лоренц, тогда я выслушаю вас. Серьёзный разговор по делу предпочтительнее праздной беседы, не так ли? Простите, леди Глау, мы непременно поговорим завтра, при свете дня.

— Возмутительно! Что эта гувернантка себе позволяет?! — визгливо выкрикнула она. — Да как ты посмела вмешиваться в беседу господ?! Где тебя только учили хорошим манерам?!

— Может быть, там же, где и вас? — отозвалась я с ледяной вежливостью, очень стараясь не показывать даже тени слабости.

— Я тебя уволю!

— Должен напомнить, что, пока не выбран законный опекун, у вас нет такого права, леди Глау. Не гоните лошадей, — произнёс маг и, сбросив плащ на руки вовремя подоспевшего лакея, обратился ко мне: — Ваш разговор в самом деле не требует отлагательств?

Я едва не пошла на попятную, но вспомнила слёзы Кэйти, погасший взгляд Аланны и решительно кивнула. Я должна защищать их даже от родной тётки. Главное, чтобы Доминик Винтергарден не встал на её сторону в этом вопросе со школой.

— Пройдёмте в столовую! — отозвался он, и я с облегчением выдохнула.

— Я этого так не оставлю! — выпалила Мередит Глау и, снова подхватив край шали, теперь уже резко и небрежно, без продуманного кокетства, развернулась к лестнице. Я смотрела ей вслед, сжимая ладони в кулаки. Похоже, в этом доме у меня появился самый настоящий враг. И дело не только в её планах на девочек. Ведь когда-то она и этот человек едва не стали мужем и женой, так что тут имела место ещё и ревность уязвлённой отказом женщины, которой предпочли другую в таком щекотливом деле, как приватный разговор.

В столь позднее время погружённая в полумрак столовая казалась слишком большой для нас двоих.

Мужчине принесли поздний ужин, я же не отказалась от чашки мятного чая. В свете нескольких свечей, которые зажгли для нас, я украдкой поглядывала на того, кто сидел напротив. Он действительно выглядел усталым, но даже в таком состоянии производил впечатление, которое так поразило меня в нашу первую встречу. Силы, уверенности, мужского превосходства с ноткой опасности.

— Итак, миз Лоренц, я вас слушаю, — произнёс маг. Он ел быстро, но аккуратно. — О чём вы хотели поговорить?

— Леди Глау хочет отправить девочек в школу-пансион! — без предисловий сообщила я. — А меня уволить, но, поверьте, сейчас я стараюсь вовсе не для себя! Аланна и Кэйти совсем не хотят туда ехать! Им будет там плохо! Родители не пожелали отсылать их в школу, так на каком основании эта... она решила, что им следует учиться там, а не на дому? Или хотя бы можно подождать, пусть они ещё немного подрастут! Кэйти всего восемь, и они только-только потеряли отца и мать, разве можно поступать с ними так... бездушно?! Их ведь даже на каникулы никто ждать не будет! А они...

Я осеклась, заметив, как пристально, неотрывно смотрит на меня собеседник, явно удивлённой моей пылкой речью.

— Вам действительно настолько не безразличны мои племянницы, миз Лоренц?

— Разумеется, не безразличны! Может, я и не лучшая гувернантка в Элхорне, но я за них беспокоюсь, и уж точно побольше, чем та, что является их близкой родственницей! Ей только и нужно, что наводить в доме свои порядки! Разве можно вверять ей детей?! К вашему сведению, она уже уволела экономку, хотя та была всей душой преданна леди Милтон!

— Это всё, что вы хотели мне сказать?

— Пока всё! И я надеюсь, что суд выберет опекуном вас! Пусть её будущий сын, когда тот появится, забирает себе поместье его предков, а девочки останутся на вашем попечении!

— Значит, мне вы доверяете? — усмехнулся он. — Что ж, миз Лоренц, я вас выслушал. Благодарю за неравнодушие.

— Вы ведь ещё не завтра уедете?

— На несколько дней определённо задержусь.

— Тогда поговорите с Аланной и Кэйти сами! — предложила я. — Спросите, что они об этом думают! Уверена, вам они тоже скажут о своём нежелании уезжать в школу!

— Непременно поговорю. А теперь доброй ночи, миз Лоренц! Вскоре я собираюсь вернуться к вопросу о вашей магии, но сейчас нам обоим нужно как следует выспаться.

Глава 29

— О магии? — переспросила я. Почти успела забыть, что Доминик Винтергарден собирался ею заняться. И немудрено — столько всего случилось за последнее время.

— Именно, — кивнул собеседник. — А теперь ступайте к себе. Мне нужно поразмыслить обо всём, что вы мне сказали.

— Поразмыслите хорошенько, — буркнула я, направляясь к двери. Спать он меня отправляет, видите ли. И вообще мог бы утром приехать, разговор с кухаркой мне оборвал. Кстати, об этом... Я обернулась.

— Вы что-то забыли, миз Лоренц?

— Скажите, можете ли вы, воспользовавшись своей должностью, найти одного человека? Если он... она жива. Такое возможно?

— О ком вы говорите, миз? — нахмурился лорд Винтергарден. — Кто-то пропал? Ваша подруга?

— Ах, нет. Речь идёт о девушке, которая когда-то жила здесь. Дочери бывшего управляющего. Сейчас ей, должно быть, уже где-то за тридцать. Её имя Джеральдина Ричмонд.

— Зачем вам её искать?

— Я и сама толком не знаю... Просто что-то не даёт мне покоя. Можете считать это интуицией, если хотите.

— Объясните понятно, а не говорите загадками! — потребовал он.

Для того, чтобы это сделать, мне пришлось на некоторое время задержаться. Я рассказала обо всём — о заброшенной могиле на кладбище, о том, что мне удалось выяснить у поварихи, которая хорошо знала миз Ричмонд и её отца, о загадочных обстоятельствах гибели девушки. Немного поразмыслив, решила сообщить и о письме, которое дядюшка моих воспитанниц уже видел и даже читал.

— Любопытно, — заметил он, выслушав меня. — Выходит, никто не видел тело — только обгорелые кости на пепелище. Значит, говорите, интуиция вам подсказывает, будто здесь что-то нечисто?

— Да, — отозвалась я. — Мне в самом деле так кажется. Если она жива, то, вероятно, живёт под другим именем. Но можно попробовать найти её отца... Он так поспешно уехал, это подозрительно!

— Жаль, что женщин не берут в Тайную канцелярию, — хмыкнул маг. — Вы бы там явно без дела не сидели. Я свяжусь с моими людьми, пусть займутся этим вопросом в частном порядке.

— Свяжетесь? — переспросила я и тут же вспомнила какой-то небольшой предмет, на который Доминик Винтергарден смотрел на танцевальном вечере. А сразу после этого он уехал. Словно получил сообщение.

Его как будто специально отвлекли, чтобы не помешал убить лорда и леди Милтон.

Мужчина не знал, что я за ним наблюдала в тот вечер, но, должно быть, запомнил, как я вышла в холл проводить его. А тот предмет, видимо, был одним из изобретений академических магов для связи на расстоянии. Чтобы передавать сообщения быстрее, чем с посыльным или почтой.

Неплохо придумано.

— Безотлагательно, — заверил меня лорд Винтергарден. — А теперь вам всё же лучше пойти к себе, а мне в свою комнату. Наберитесь сил, завтра вы нужны мне бодрой и здоровой.

Это его «вы нужны мне» странным образом откликнулось во мне, будто задело что-то в моей душе. Какую-то тонкую струну. Надеюсь, что он не прочёл этого по моему лицу, я поклонилась и вышла в тёмный коридор.

До своей спальни добралась без приключений. Похоже, все в доме уже крепко спали. И Мередит Глау тоже — того, с кем ей хотелось поговорить за бокалом вина, она сегодня так и не дождалась.

Потому что её опередила я.

Будь я в действительности всего лишь сиротой-гувернанткой без гроша за душой, наверняка робела бы перед блистательной леди Глау и не осмелилась бы перейти ей дорогу. Но я знала, что матушка, дядя и господин Ветцель не оставят меня. Если мне придётся уволиться и покинуть поместье, они подыщут для меня другое укрытие. Поэтому сейчас я действительно беспокоилась не столько за

себя, сколько за девочек. Это их интересы я защищала в первую очередь, а не свои. Будущее Аланны и Кэйти зависело от того, кого выберут им в опекуны. Оставалось лишь надеяться, что их дядя не только получит опекунство, но и окажется более милосердным, чем эта женщина, которую интересовала только роль хозяйки в особняке, а вовсе не судьба родных племянниц.

Увы, как следует выспаться у меня не получилось. Почти до самого утра я проворочалась в кровати. Всё думала о том, что можно сделать, чтобы моих воспитанниц не отправили в школу-пансион. Мысли путались. А, когда всё же забылась недолгим сном, мне приснился Доминик Винтергарден, его строгое лицо, внимательный взгляд, глубокий голос, вот только что именно он говорил, я, к сожалению, не запомнила.

Завтрак нам с Аланной и Кэйти принесли в ученическую. К нему прилагались сплетни от вездесущей Энни. Горничная сообщила, что леди Уэстон с отцом и ещё несколько семей из округи, в мгновение ока прознав о приезде брата леди Милтон, прислали ему письма со слугами, а Клаус Майер куда-то уехал.

— И всё-то тебе известно, — заметила я.

— А как же иначе? — хмыкнула она. — Без инф... инфорт... информации сейчас никуда, — употребила мудрёное слово собеседница. — Да, кстати, про гримзу... Бывшая экономка сыскала новую работу, не хуже прежней — устроилась к Уэстонам. Так что напрасно вы за неё волновались, миз Лоренц!

Энни ещё не успела уйти, как появился лорд Винтергарден и, поприветствовав нас с девочками, обратился ко мне:

— Найдётся ли у вас для меня время, миз Лоренц?

— Разумеется, — пробормотала я.

— В таком случае выйдем в сад, а ты, — он бросил взгляд на тут же наострившую уши горничную, — побудь пока с барышнями.

Глава 30

— Дядя Доминик! — окликнула его Кэйти, когда мужчина уже направлялся к двери. Она сделала к нему несколько шагов, и её фигурка в чёрном платье выглядела хрупкой, точно принадлежащей фарфоровой куклке. — А если нашим опекуном станете вы, то не отправите нас в пансион?

Маг наклонился, чтобы их лица оказались на одном уровне, и спросил:

— А тебе и твоей сестре действительно так сильно не хочется туда ехать?

Эта сцена выглядела такой трогательной, что у меня слёзы на глаза навернулись. Я провела с воспитанницами не так много времени, но успела искренне к ним привязаться. И Энни тоже очень их жалела — даже сейчас, стоя рядом со мной, она всхлипывала, вытирая глаза краем белого фартука.

— Там ведь может быть интересно, — продолжал Доминик Винтергарден. — Новое место, знакомство с другими девочками... Вам не будет скучно.

— А ещё нас за малейшую провинность будут оставлять без ужина и бить линейкой по коленям и пальцам, — вполголоса добавила Аланна.

— Неужели в школах до сих практикуют телесные наказания? — вздрогнула я.

— Сразу видно, что вы иностранка, миз, — ответила за девочку Энни. — Моя приятельница служила горничной в закрытой школе, так всякого нагладелась, впору порадоваться, что сама не благородного происхождения. А в тех, что для мальчиков, так и вовсе почём зря лупят учеников розгами по... пониже спины, — запнулась она, покосившись на лорда, который, точно не замечая нашего разговора, продолжал пытливо смотреть на малышку Кэйти, дожидаясь нашей беседы.

А она внезапно сделала ещё шаг, окончательно сокращая расстояние между ними, и порывисто бросилась к дяде на шею. Тот явно немного растерялся от такого, но тут же осторожно обнял её в ответ и подхватил на руки, как ребёнка. Энни, растрогавшись, тут же снова начала тихонько хлюпать носом, а в мою руку вдруг скользнула холодная от волнения ладошка Аланны, и я успокаивающе её сжала.

Теперь я понимала, почему лорд и леди Милтон, пожалев дочерей, не захотели отправлять их в школу-пансион, нарушив семейную традицию. Может быть, они были не лучшими хозяевами поместья, зато родителями оказались любящими и хотели сами растить девочек, видеть их каждый день, а не только на редких каникулах, наблюдать, как те растут и меняются. Это заслуживало уважения и невольно заставляло вспомнить о моей собственной матушке, которая после смерти отца, несмотря на молодость, не пожелала снова выйти замуж, а посвятила всю свою жизнь мне. А ещё категорически отказала дяде, который хотел забрать меня к себе. Постепенно он с этим смирился, но продолжал принимать участие в моём воспитании и образовании так же, как делал бы это для своих родных детей.

— Нет, я не хочу в пансион... И Аланна не хочет... — выдохнула Кэйти, крепко обнимая мага за шею. — Но, если мы туда всё-таки поедем, можно нам будет приезжать на каникулы к вам, а не к тёте Мередит?

— Обещаю, что я непременно постараюсь устроить всё так, чтобы было лучше для всех. Не беспокойтесь заранее, — ответил он и аккуратно спустил её с рук на пол, после чего бросил взгляд на меня. — Мы идём, миз Лоренц?

— Да, — отозвалась я и, послав девочкам улыбку, выскользнула из комнаты вслед за ним.

Мы спустились на первый этаж, к счастью, не наткнувшись по дороге на леди Глау, и вышли в сад. После вчерашнего дождя там было прохладно и влажно, и я поёжилась в своём лёгком платье, пожалев о том, что не заглянула в комнату за накидкой. Но сейчас было уже поздно возвращаться.

— Итак, миз Лоренц, я задам вам один вопрос, только отвечайте честно, — проговорил мой спутник. Я насторожилась. — Вы прибегали к магии, пока меня не было?

— Я?.. — осеклась, лихорадочно соображая, что отвечать. Правду? Но как о таком расскажешь?.. Стыдно. Однако и лгать тоже не хотелось.

— Да, вы, миз Лоренц, — поторопил меня с ответом Доминик Винтергарден.

— Что касается девочек — пока я нужна им, я останусь, — проговорила быстро, точно боялась, что он меня прервёт. — Но, если вы пожелаете, можете нанять им и другую гувернантку. Либо... если считаете, что школа-пансион будет лучшим вариантом, тогда... забирайте их хотя бы на каникулы. Вы же видите, леди Глау к ним равнодушна. За то время, что она здесь живёт, даже не

заглядывала к племянницам, не говорила с ними, а ведь им нужно, чтобы кто-то утешал их в горе.

— Я уже сказал, что подумаю над этим, так что не меняйте тему.

— Но почему вы запретили мне пользоваться магией в ваше отсутствие?

— Потому что остерегался, что, не зная пределов своих возможностей и способностей, вы могли наворотить дел, навредив в первую очередь себе, но также и другим людям.

Хотела было возразить, но вспомнила вопли пострадавших от укусов муравьёв разбойников и не стала. А впрочем, поделом им! В следующий раз десять раз подумают, прежде чем нападать в лесу на слабую, беззащитную девушку!

— Да, лорд Винтергарден. Я применила свой дар. Однажды и по необходимости.

— По какой же? — спросил он строго.

Краснея от смущения и поминутно спотыкаясь на словах, я рассказала ему, как было дело.

— Это всё из-за разрыв-камня? Я притянула людей с дурными помыслами? Если бы не это, они прошли бы мимо? — задала я тревожащие меня вопросы.

— Едва ли, миз Лоренц, — качнул головой собеседник, но углубляться в предмет разговора не стал, за что я была ему весьма благодарна. — А теперь вы должны кое-что узнать. О себе и о вашей магии.

Глава 31

— О чём вы говорите?.. — растерялась я.

— Я расскажу вам одну историю, которую вы, должно быть, никогда прежде не слышали, — проговорил Доминик Винтергарден. — Много веков назад на землях Элхорна с его зелёными холмами и пустошами жила ещё одна раса, кроме человеческой. Её представителей называли элдарианы. Внешне они были похожи на людей, но всё же отличались. Статью, высоким ростом, красотой, более долгой продолжительностью жизни. А ещё магией. Элдарианы обладали развитой интуицией, могли повелевать силами природы, разговаривать с животными и птицами.

Маг немного помолчал, затем продолжил:

— Они проводили время в пирах и усадках. Танцевали, музицировали, охотились. Также элдарианы могли иметь общее потомство с людьми, которые всегда невольно к ним тянулись. Как к чему-то необычному, красиво, влекущему. Но красота бывает и злой.

Я жадно прислушивалась, не совсем ещё понимая, к чему он ведёт.

— Однажды один из элдариан соблазнил и увёл за собой жену короля Элхорна, и тот, разгневавшись, призвал свою армию, объявив всех соплеменников того мужчины врагами человеческого рода. Наверняка люди бы проиграли, ведь на стороне их противников была сама природа, но к тому времени академическим магам удалось изобрести оружие, которого боялись элдарианы. Да и по численности Элхорнская армия превосходила их, к тому же элдарианам не хватало сплочённости.

— И на этом всё закончилось? — спросила я.

— Раса перестала существовать, превратилась в легенду. Но остались её потомки — дети, внуки, правнуки элдариан и людей, унаследовавшие способности своих дальних предков. Однако постепенно голос крови в них становился всё тише, дар слабел, да и проявлялся далеко не во всех. Будучи презираемыми людьми полукровками, они переезжали в другие страны, забывая о своих корнях. Это одна из версий происхождения вашей магии, миз Лоренц, сказочная версия — так её называют. Однако она многое объясняет, не находите? К примеру, вашу острую интуицию — неспроста же вы почувствовали, что в доме должно случиться что-то плохое.

— Не может быть... — пробормотала я. Всё это было слишком невероятно, ошеломительно. Как будто действительно сказка... — Выходит, кто-то из моих предков был из Элхорна? И во мне есть капелька крови элдарианов?

— Думаю, есть вероятность, что в вашем случае их потомки затесались с двух сторон: матери и отца. Наверняка они и сами об этом не знали. Родством с элдарианами не принято было хвалиться, они ведь считались врагами, о которых даже вспоминать и то запретили. Так что едва ли ваши прабабушки и прадедушки или же более дальние предки рассказывали своим детям о том, что они не чистокровные люди. К тому же вы родились в другой стране, но, приехав в Элхорн, да ещё и в провинцию, где прежде вполне могли жить элдарианы, почувствовали в себе то, чего не замечали прежде, — ваш дар сильнее, чем у других природных магов.

— Вы начала подозревать это, когда узнали о молниях?

Собеседник кивнул и добавил:

— Когда же вы рассказали о том, как ощутили приближающийся взрыв, я решил поискать материалы об элдарианах и обнаружил, что у этой теории немало сторонников, так что, вероятно, не такая уж она и сказочная. Ведь исчезнувшая из мира раса существовала на самом деле, пусть мы и немного о ней знаем. И это объясняет, почему у интуитивной магии так мало общего с академической, которая природникам не даётся.

Я неверяще смотрела на него. Так странно было это слышать... Я привыкла к тому, что мою магию не воспринимали всерьёз. Если всё так, как он говорил, то едва ли отец и матушка знали о том, что в их богатой родословной когда-то были представители другой расы. Тем более, что мои родители и вовсе магией не владели — с ней родилась только я.

— Но что же теперь? Я ведь по-прежнему не могу учиться...

— Долгое время природную магию недооценивали — возможно, потому, что мало у кого из редких сейчас природников встречается достаточно сильный дар. Но вы, миз Лоренц, своего рода аномалия, и, честно говоря, пока я не могу сказать, хорошо это или плохо.

Я вспыхнула, как петарда. Не очень-то приятно, когда на тебя смотрят с эдаким научным

интересом. Да ещё и называют аномалией!

Откликаясь на моё душевное состояние, поднялся ветер. Он взметнул подол моего платья, растрепал выбившиеся из пучка локоны. Зашелестел в клонящихся к земле цветах и травах. Я задрожала от холода и почувствовала вдруг, как мне на плечи опустился сюртук лорда Винтергардена. Он был тяжёлым и тёплым, и от него пахло его хозяином.

— Не волнуйтесь, миз, я ведь не угрожаю вам, — проговорил мужчина. — Но, раз уж так вышло, что здесь вы встретили именно меня, чувствую за вас некоторую ответственность. А потому хочу, чтобы вы научились осознанно владеть своим даром и определять границы силы, которая вам дана. Вреда вам от этого не будет, а вот от нового отката уберезёт. Понимаете?

Я кивнула, соглашаясь с его доводами.

Глава 32

Такого я действительно не ожидала услышать. Легендарный народ, некогда живший в этих краях! Может быть, прямо здесь, где я сейчас стою, когда-то танцевали элдарианки! Учебники истории о таком умалчивали, и теперь я понимала, почему. Не каждый рискнёт публично признаться, что его предки когда-то стёрли с лица земли целую расу.

— Может быть, они и дали название Элхорну? — предположила я.

— Всё возможно, миз Лоренц, — ответил Доминик Винтергарден.

Послышался стук копыт, и верхом на белой, как свежесвыпавший снег, лошади появилась Мередит Глау. Она сразу же увидела, что мы с мужчиной наедине в саду, а также его сюртук, брошенный на мои плечи, и это ей очень не понравилось. Леди окинула меня неприязненным взглядом и обратилась к нему:

— Я еду на верховую прогулку. Поговорим вечером. Надеюсь, на этот раз нам никто не помешает, — подчеркнула она.

Ещё один прожигающий яростью взгляд в мою сторону, и всадница скрылась, ускакав в сторону леса.

— Вам лучше вернуться к воспитанницам, миз Лоренц, — сказал мне лорд Винтергарден. — У меня сейчас есть ещё дела. До новой встречи!

— До встречи, — отозвалась я, неохотно возвращая ему сюртук. — Я хотела спросить... Как продвигается расследование?

— Пока, увы, ничего нового. Не так-то просто найти, кто именно покупал разрыв-камень. Я попытался выяснить, как он попал в книжную комнату, допросил всех, кто был в особняке в тот вечер, но слуги в один голос уверяют, что ничего не заметили. И немудрено — в доме собралось столько гостей. Прислуге было не до того, чтобы следить за тем, кто куда пошёл.

— Если я могу чем-то помочь...

— Уверен, ваша интуиция не окажется лишней, — произнёс он.

Я вернулась в дом, размышляя обо всём, что услышала. Как странно и удивительно... Интересно, что сказала бы на это матушка?

Девочки ждали меня в ученической, успев немного заскучать. Я отпустила Энни и решила, что нам с Аланной и Кэйти нужно немного позаниматься учёбой, пока они всё не забыли. А вечер можно было бы посвятить играм, чтению и прочим своим делам. Но мои подопечные сразу же после занятий запросились на чердак. Они давно там не были и теперь горели желанием продемонстрировать мне всё то, что обнаружили в свои прошлые походы на неизведанную территорию.

— Что, если ваша тётя будет ругаться? — заметила я.

— А мы ей не скажем! — хором заявили барышни Милтон и потащили меня за собой. Да и мне стало любопытно увидеть тот самый чердак, где они нашли письмо. Так что я пошла за воспитанницами, и вскоре мы уже поднимались по скрипучей лестнице.

Чердак оказался именно таким, как я представляла. Большой, вытянутый в длину, с узкими затянутыми паутиной окнами — сквозь них проникал дневной свет, в котором кружились пылинки. Здесь стояло несколько сундуков, один из которых Аланна тут же распахнула.

— Видите, миз Лоренц? До чего же старые платья! Когда-то они были красивыми, а сейчас стали пищей для моли!

— Такова жизнь, — вздохнула я. Вид некогда роскошных нарядов из шёлка, парчи и бархата, превратившихся в жалкое зрелище, в самом деле печалил. — Всё меняется и всё проходит...

— В прошлый раз мы открывали не все, — напомнила Кэйти, потянув сестру за рукав.

— И правда! Кажется, вон до того не добрались, в самом углу. Посмотрим, что там?

Аланна обогнала младшую девочку и, первой достигнув цели, наклонилось над тёмным зевом распахнутого сундука. А затем с торжествующим восклицанием обернулась ко мне и помахала листом бумаги, зажатым в руке. Её голос звенел от волнения:

— Я нашла ещё одно письмо, миз Лоренц!

Она развернула его и, подойдя ближе к окошку, начала читать.

— Почерк тот же! Здесь назначают встречу. Но имени отправителя и адресата снова нет...

Я приблизилась, и девочка вложила письмо мне в руки. Она всё прочла верно — неизвестная женщина назначала мужчине встречу в лесу, однако имён там не было. Влюблённые явно не хотели, чтобы послание попало в чужие руки. Наверняка они скрывали свою любовь. И это снова возвращало меня к догадке об Эдриане Милтоне и Джеральдине Ричмонд.

— Оставлю его пока у себя, хорошо? — сказала я, и Аланна в ответ кивнула, снова повернувшись к сундуку. — Что там ещё есть?

— Кажется, украшения...

В сундуке среди старой одежды в самом деле лежало украшение на цепочке. Довольно крупный медальон, серебряный, тяжёлый. Мне вспомнились слова кухарки, которая говорила о медальоне Джерри. Но ведь тот же сгорел на пожаре. Или их было два?..

— Похоже, тут какой-то секретный замочек, — повертела я его в руках, пытаюсь подцепить ногтем то с одной стороны, то с другой, но открыть не смогла. — Или он и вовсе не открывается. Заберём его отсюда?

— Да, — кивнула Аланна. — Не думаю, что тёте Мередит есть дело до всех этих вещей на чердаке. Она сюда даже не заглядывает.

— Наверное, боится запылиться, — хихикнула Кэйти. — Вот и хорошо! Это только наше секретное место! — простодушно заявила она и взяла за одну руку сестру, а за другую меня, точно объединяя нас в один круг, замкнувшийся, когда я в свою очередь обхватила ладошку Аланны.

Позже, когда девочки уже легли спать, я решила поговорить о наших находках с их дядей, но оказалось, что они с леди Глау сидят в малой гостиной. Похоже, этой женщине всё-таки удалось добиться своего. Я спустилась на первый этаж, где, устав ходить вокруг да около, не выдержала и заглянула в не до конца прикрытую дверь.

Глава 33

«Да как только смеет эта особа сидеть так близко к нему!» — возмутилась я, увидев, что она уселась на один диван с ним, хотя в комнате вполне хватало кресел и стульев.

Но слова Мередит ошеломили меня ещё сильнее её вольного поведения.

— Разве мы не можем снова быть вместе? — спрашивала она, протянув руку и касаясь обтянутого сюртуком плеча мужчины.

— Вы уже забыли, что у вас есть законный супруг, леди Глау?

— Реджи? Скучный, ограниченный человек! Он меня совершенно не понимает! И не... удовлетворяет. Ты ведь понимаешь, о чём я? Ну же, Доминик, вспомни, как хорошо нам было прежде! А может быть ещё лучше, ведь тогда мы только целовались и всего лишь... Теперь же я смогу дать тебе абсолютно всё, в чём нуждается мужчина... Только протяни руку, и всё это станет твоим, — добавила Мередит Глау, проводя изящной рукой по высокой груди и шее в вырезе халата.

Мне стало неловко и стыдно. Что я здесь делаю? Подсматриваю, подслушиваю, да ещё и... такие вещи!

— Я добьюсь развода, мы поженимся и будем воспитывать наших племянниц вместе. Как настоящая семья! А наш сын станет здесь хозяином... Не правда ли, отлично придумано? — выдохнула она, наклоняясь ещё ближе к нему и царапая ногтями жёсткую ткань его одежды. Всё её лицо выражало страстное, жадное нетерпение.

— Нет, Мередит, — всё же назвал её по имени Доминик Винтергарден, однако немедленно отстранился. Взгляд его ничуть не потеплел. — Мы не можем быть вместе. Всё в прошлом. Вспомни, из-за чего мы расстались. Ты не хотела заводить детей, никогда не любила их и не желала портить фигуру, а теперь говоришь о будущем сыне? Только из-за того, что он может стать наследником поместья?

— У тебя кто-то есть?! — вспыхнула она. — Эта юная блондиночка Целестина Уэстон? Белобрысая моль! Разве она в твоём вкусе? Ни за что не поверю, что ты мог польститься на её богатое приданое! Или ты нашёл кого-нибудь в столице? Нет, не может быть, я бы знала, ведь сплетни расходятся так быстро...

— Есть кто-то в моей жизни или нет, неважно. Теперь уже неважно всё, кроме будущего моих — наших — племянниц. Только они нас теперь связывают, и мы должны о них позаботиться.

В моём сердце точно цветы расцветали от его слов — как же складно он говорил! И как верно! У них действительно остались только Аланна и Кэйти, а у тех — дядя и тётя, больше никого из близкой родни. Наверняка дальние родственники где-нибудь есть, но это ведь совсем не то. Девочки их и не знают даже...

— Мы могли бы растить их вместе, если бы ты меня не отверг! — вскочила на ноги леди Глау. Шаль её упала на пол, волосы, вырвавшись из оков шпилек, растрепались, но она не обращала на это внимания. Её переполнял гнев. — Но теперь мы враги, Доминик Винтергарден! И я добьюсь того, чтобы Королевский суд передал опеку над племянницами мне! Ты думаешь, тебе пойдут навстречу из-за твоей высокой должности? Но мой муж тоже не из простых, брат его матери в родстве с самим королём!

— Забавно. Только что ты готова была совершенно позабыть о муже, а теперь восхваляешь его, — усмехнулся маг. — Все женщины так коварны или только ты?

— Королевский суд будет на моей стороне, я отправлю девочек в закрытую школу, и ты будешь видеться с ними не чаще раза в год! — мстительно вымолвила Мередит.

— Едва ли. Я уже занялся этим вопросом, пока был в столице. Опекуном готовы выбрать меня, но при одном условии, и я намерен это условие соблюсти. Но об этом мы поговорим завтра. Доброй ночи, леди Глау!

Лорд Винтергарден поднялся с дивана и направился к выходу, а я, поспешно выбежав из коридора, свернула в ближайшую дверь, которая вела на крытый балкон. Снова шёл дождь, шелестя по траве, пахло влажностью и почему-то морем. До меня долетали прохладные капельки, оседая на волосах. В своём лёгком платье я быстро начала замерзать и уже собралась идти обратно, когда ощутила за спиной чьё-то присутствие. В следующее мгновение над ухом раздался мужской голос:

— Вас не учили, что подслушивать чужие разговоры нехорошо, миз Лоренц?..

Я испуганно обернулась и почти уткнулась лицом в его грудь. Доминик Винтергарден стоял совсем

близко, едва ли не вплотную. В свете фонаря его лицо казалось каким-то пугающим, незнакомым. И в то же время я не могла отвести от него взгляда. По коже пробежала дрожь — то ли от сырого холода осеннего дождя, то ли от испуга.

Отшагнуть назад мне было некуда — за спиной балконные перила.

— Что вы...

— У меня есть к вам предложение, миз, — проговорил он, не отводя взгляда от моего лица. — Прошу вас, не отказывайтесь сразу. Вы станете моей невестой?..

Клаус Майер шёл по коридорам дворца, и эхо его шагов, множась, отражалось от стен. Он всегда немного робел, оказываясь здесь, но старался не подавать виду. Всё-таки не в первый раз пришёл, да и не какой-нибудь безграмотный простолюдин, чтобы теряться в королевских покоех.

Его уже ждали. Сам король и его родственник. Очень похожие между собой, высокие, светлокожие, рыжеволосые, вот только у его величества заметно больной вид. Хуже, чем в прошлый раз. Увы, но, похоже, жить ему осталось недолго.

— Значит, она понравилась тебе, мой мальчик? — спросил второй мужчина, когда Клаус по всем правилам этикета поприветствовал обоих. — Моя племянница. Хороша собой, верно?

— Очень, — смущённо признал молодой человек, вызывая в памяти образ девушки, с которой впервые повстречался в Элхорнском лесу. Ему даже не хотелось от неё уезжать, возвращаться на родину. Но пришлось.

— Она станет тебе достойной женой. Наша кандидатка на трон... А ты не забывай, кому обязан этой милостью!

Клаус низко склонил голову, выражая почтение.